

О. М. ДОСТОЕВСКИЙ
ИСПОВѢДЬ
СТАВРОГИНИ

ORCHIS-VERLAG / MUNCHEN

Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙ

ИСПОВѢДЬ СТАВРОГИНА

**Три ненапечатанные
главы изъ романа**

БѢСЫ

ORCHIS VERLAG / MÜNCHEN

Alle Rechte vorbehalten
Copyright by Orchis-Verlag
München
1922

ПРЕДИСЛОВІЕ

Почти всѣмъ читателямъ Достоевскаго было извѣстно, что въ его романѣ „Бѣсы“ имѣется пробѣлъ. Когда романъ этотъ въ 1871—72 гг. печатался въ „Русскомъ Вѣстникѣ“, писатель изъялъ изъ него набранныя уже три главы. Причины, побудившія его къ этому, остались неизвѣстными; полагаютъ, что редакторъ „Русскаго Вѣстника“, Катковъ, не хотѣлъ этихъ главъ печатать, но вопросъ, почему Достоевскій не включилъ ихъ въ послѣдующія изданія романа, остается открытымъ. Извѣстно было также, что изъятыя главы хранились у вдовы писателя А. Г. Достоевской, которая ихъ никому не показывала; только первую изъ печатаемыхъ ниже главъ она опубликовала (безъ вступительныхъ фразъ) въ юбилейномъ изданіи сочиненій своего мужа (СПБ., 1906).

Нынѣ, когда А. Г. Достоевская умерла и Совѣтское Правительство приступило къ вскрытію разныхъ тайныхъ архивовъ, „завѣтныя“ главы наконецъ увидѣли свѣтъ. 12-го ноября 1921 г. въ помѣщеніи Московскаго Центрархива въ присутствіи А. В. Луначарскаго и другихъ лицъ былъ вскрытъ ящикъ съ бумагами, принадлежавшими Достоевскому, и въ немъ оказалась между прочимъ тетрадь съ вклеенными въ нее 15 корректурными оттисками пресловутыхъ главъ изъ „Бѣсовъ“, которыя и были опубликованы Центрархивомъ (Москва, 1922). — Одновременно съ этимъ текстомъ былъ найденъ еще другой текстъ этихъ же главъ въ архивѣ Достоевскаго, принадлежащемъ Пушкинскому Дому Россійской Академіи Наукъ. Ори-

гиналь этого второго текста писанъ рукою А. Г. Достоевской и отличается во многомъ отъ текста московскихъ корректурныхъ оттисковъ, который слѣдуетъ считать позднѣйшимъ; въ рукописи отсутствуетъ напримѣръ весь эпизодъ кражи денегъ у чиновника.

Текстъ нашего изданія слѣдуетъ предназначенной Достоевскимъ для печати редакціи московскихъ корректурныхъ оттисковъ, т. е. изданію Центрархива; изъ многочисленныхъ корректуръ, приведенныхъ въ названномъ изданіи, мы выбрали главнѣйшія и помѣстили ихъ въ „примѣчанія“ въ концѣ книги. Важнѣйшіе варианты рукописи Пушкинскаго Дома мы отнесли частью въ текстъ, частью тоже въ примѣчанія.

В. К.

У Т И Х О Н А.

I.)

Николай Всеволодовичъ въ эту ночь не спалъ и всю просидѣлъ на диванѣ, часто устремляя неподвижный взоръ въ одну точку въ углу у комода. Всю ночь у него горѣла лампа. Часовъ въ семь по утру заснулъ сидя, и, когда Алексѣй Егоровичъ, по обычаю разъ навсегда заведенному, вошелъ къ нему ровно половину десятаго съ утреннею чашкою кофею и появленіемъ своимъ разбудилъ его, то, открывъ глаза, онъ, казалось, непріятно былъ удивленъ, что могъ такъ долго проспать и что такъ уже поздно. Наскоро выпилъ онъ кофею, наскоро одѣлся и торопливо вышелъ изъ дому. На осторожный спросъ Алексѣя Егоровича, „не будетъ ли какихъ приказаній“, ничего не отвѣтилъ. По улицѣ пошелъ, смотря въ землю, въ глубокой задумчивости и лишь мгновеніями, подымая голову, вдругъ выказывалъ какое-то неопредѣленное, но сильное безпокойство. На одномъ перекресткѣ, еще недалеко отъ дому, ему переѣкла дорогу толпа проходившихъ мужиковъ, чловѣкъ въ пятьдесятъ или болѣе; они шли чинно, почти молча, въ нарочномъ порядкѣ. У лавочки, возлѣ которой съ минуту пришлось ему подождать, кто-то сказалъ, что это „Шпигулинскіе рабочіе“. Онъ едва обратилъ на нихъ вниманіе. Наконецъ, около половины одиннадцатаго дошелъ къ воротамъ нашего Спасо-Ефимьевскаго Богородскаго монастыря, на краю города, у рѣки. Тутъ только онъ какъ бы что-то вспомнилъ, тревожное и хлопотливое, остановился, наскоро пощупалъ что-то въ своемъ боковомъ карманѣ и—усмѣхнулся. Войдя въ ограду, онъ спросилъ

у перваго попавшагося ему служки: какъ пройти къ проживавшему въ монастырѣ на покоѣ архіерею Тихону? Служка принялся кланяться и тотчасъ же повелъ. У крылечка, въ концѣ длиннаго двухъэтажнаго монастырскаго корпуса, властно и проворно отбилъ его у служки повстрѣчавшійся съ ними толстый и сѣдой монахъ и повелъ длиннымъ узкимъ корридоромъ, тоже все кланяясь (хотя по толстотѣ своей не могъ наклоняться низко, а только дергалъ часто и отрывисто головой), и все приглашая пожаловать, хотя Николай Всеволодовичъ безъ того за нимъ шелъ. Монахъ предлагалъ какіе-то вопросы и говорилъ объ отцѣ архимандритѣ; не получая же отвѣтовъ, становился все почтительнѣе. Ставрогинъ замѣтилъ, что его здѣсь знаютъ, хотя, сколько помнилось ему, онъ здѣсь бывалъ только въ дѣтствѣ. Когда дошли до двери въ самомъ концѣ корридора, монахъ отворилъ ее какъ бы властною рукой, фамиллярно освѣдомился у подскочившаго келейника, можно-ль войти и, даже не выждавъ отвѣта, отмахнулъ совсѣмъ дверь и, наклонившись, пропустилъ мимо себя „дорогого“ посѣтителя; получивъ же благодарность, быстро скрылся, точно бѣжалъ. Николай Всеволодовичъ вступилъ въ небольшую комнату, и почти въ ту же минуту въ дверяхъ сосѣдней комнаты показался высокій и сухощавый человѣкъ, лѣтъ пятидесяти пяти, въ простомъ домашнемъ подрясникѣ и на видъ какъ будто нѣсколько больной, съ неопредѣленною улыбкой и съ страннымъ, какъ бы застѣнчивымъ взглядомъ. Это и былъ тотъ самый Тихонъ, о которомъ Николай Всеволодовичъ въ первый разъ услыхалъ отъ Шатова и о которомъ онъ, съ тѣхъ поръ, успѣлъ и самъ мимоходомъ собрать кое-какія свѣдѣнія.

Свѣдѣнія были разнообразны и противоположны, но имѣли и нѣчто общее, именно то, что любившіе и нелюбившіе Тихона (а таковыя были), всѣ о немъ какъ-то умалчивали—нелюбившіе, вѣроятно, отъ пренебреженія, а приверженцы и даже горячіе—отъ какой-то скромности, что-то какъ будто хотѣли утаить, какую-то его слабость, можетъ быть, юродство. Николай Всеволодовичъ узналъ, что онъ уже лѣтъ

шесть какъ проживаетъ въ монастырѣ, и что приходятъ къ нему и изъ самаго простого народа, и изъ знатнѣйшихъ особъ; что даже въ отдаленномъ Петербургѣ есть у него горячіе почитатели и преимущественно почитательницы. Зато услышалъ отъ одного осанистаго нашего „клубнаго“ старичка, и старичка богомольнаго, и такой отзывъ, что „этотъ Тихонъ чуть-ли не сумасшедшій²⁾ и, безъ сомнѣнія, выпиваетъ“. Прибавлю отъ себя, забѣгая впередъ, что послѣднее—рѣшительный вздоръ, а есть одна только закоренѣлая ревматическая болѣзнь въ ногахъ и по временамъ какія-то нервныя судороги. Узналъ тоже Николай Всеволодовичъ, что проживавшій на покоѣ архіерей по слабости-ли характера или „по непрости-тельной и несвойственной его сану разсѣянности“ не сумѣлъ внушить къ себѣ въ самомъ монастырѣ особливаго уваженія. Говорили, что отецъ архимандритъ, человекъ суровый и строгій относительно своихъ настоятельскихъ обязанностей и, сверхъ того, извѣстный ученостію, даже питалъ къ нему нѣкоторое будто бы враждебное чувство и осуждалъ его (не въ глаза, а косвенно) въ небрежномъ житіи и чуть ли не въ ереси. Монастырская же братія тоже какъ будто относилась къ больному святителю не то, чтобъ очень небрежно, а, такъ сказать, фамиллярно, Двѣ комнаты, составлявшія келью. Тихона, были убраны тоже какъ-то странно. Рядомъ съ дубоватою старинною мебелью съ протертой кожей стояли три-четыре изящныя вещицы: богатѣйшее покойное кресло, большой письменный столъ превосходной отдѣлки, изящный рѣзной шкафъ для книгъ, столики, этажерки, все разумѣется, дареное. Былъ дорогой бухарскій коверъ, а рядомъ съ нимъ и цыновки. Были гравюры „свѣтскаго“ содержанія и изъ временъ миѳологическихъ, а тутъ же въ углу большой кіотъ, съ сіявшими золотомъ и серебромъ иконами, изъ которыхъ одна древнѣйшихъ временъ съ мощами. Библиотека тоже, говорили, была составлена слишкомъ ужъ многообразно и противоположно: рядомъ съ сочиненіями великихъ святителей и подвижниковъ христіанства, находились сочиненія „театральныя и романы, а можетъ быть, и гораздо хуже“.

Послѣ первыхъ привѣтствій, произнесенныхъ почему то съ явною обоюдною неловкостію, поспѣшно и даже неразборчиво, Тихонъ провелъ гостя въ свой кабинетъ и, все какъ будто спѣша, усадилъ на диванѣ, передъ столомъ, а самъ помѣстился подлѣ, въ плетеныхъ креслахъ. Тутъ къ удивленію, Николай Всеволодовичъ совсѣмъ потерялся. Похоже было какъ бы рѣшался изъ всѣхъ силъ на что-то чрезвычайное и неоспоримое, и въ то же время почти для него невозможное. Онъ съ минуту осматривался въ кабинетѣ, видимо не замѣчая разсматриваемаго; онъ задумался, но, можетъ быть, не зная о чемъ. Его разбудила тишина, и ему вдругъ показалось, что Тихонъ какъ будто стыдливо потупляетъ глаза съ какой-то совсѣмъ ненужной улыбкой. Это мгновенно возбудило въ немъ отвращеніе и бунтъ; онъ хотѣлъ встать и уйти; по мнѣнію его, Тихонъ былъ рѣшительно пьянъ. Но тотъ вдругъ поднялъ глаза и посмотрѣлъ на него такимъ твердымъ и полнымъ мысли взглядомъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ, съ такимъ неожиданнымъ и загадочнымъ выраженіемъ, что онъ чуть не вздрогнулъ. И вотъ ему вдругъ показалось совсѣмъ другое: что Тихонъ уже знаетъ, зачѣмъ онъ пришелъ, уже предувѣдомленъ (хотя въ цѣломъ мірѣ никто не могъ знать этой причины) и, если не заговариваетъ первый самъ, то щадя его, пугаясь его униженія.

— Вы меня знаете? спросилъ онъ вдругъ отрывисто, — рекомендовался я вамъ или нѣтъ, когда вошелъ. Извините, я такъ разсѣянъ...

— Вы не рекомендовались, но я имѣлъ удовольствіе видѣть васъ однажды еще года четыре назадъ, здѣсь въ монастырѣ... случайно.

Тихонъ говорилъ очень неспѣшно и ровно, голосомъ мягкимъ, ясно и отчетливо выговаривая слова.

— Я не былъ въ здѣшнемъ монастырѣ четыре года назадъ, съ какой-то ненужною грубостью возразилъ Николай Всеволодовичъ; — я былъ здѣсь только маленькимъ, когда васъ еще тутъ совсѣмъ не было.

— Можетъ быть, забыли? осторожно и не настаивая замѣтилъ Тихонъ.

— Нѣтъ, не забылъ; и смѣшно, еслибъ я не помнилъ, какъ-то не въ мѣру настаивалъ со своей сто-

роны Ставрогинъ,—вы, можетъ быть, обо мнѣ только слышали и составили какое-нибудь понятіе, а потому и сбились, что сами видѣли.

Тихонъ смолчалъ. Тутъ Николай Всеволодовичъ замѣтилъ, что по лицу его проходитъ иногда нервное содроганіе, признакъ давнишняго нервного ослабленія.

— Я вижу только, что вы сегодня нездоровы, сказалъ онъ,—и, кажется, лучше, еслибъ я ушелъ.

Онъ даже привсталъ было съ мѣста.

— Да, я чувствую сегодня и вчера сильныя боли въ ногахъ и ночью спалъ мало...

Тихонъ остановился. Гость его внезапно впалъ въ какую-то неопредѣленную задумчивость. Молчаніе продолжалось долго, минуты двѣ.

— Вы наблюдали за мной? спросилъ онъ вдругъ тревожно и подозрительно.

— Я на васъ смотрѣлъ и припоминалъ черты лица вашей родительницы. При несходствѣ внѣшнемъ много сходства внутренняго, духовнаго.

— Никакого сходства, особенно духовнаго. Даже совершенно никакого! затревожился опять безъ нужды и не въ мѣру настаивая, самъ не зная зачѣмъ Николай Всеволодовичъ. — Это вы говорите такъ... изъ состраданія къ моему положенію³⁾, брякнулъ онъ вдругъ. — Ба! развѣ мать моя у васъ бываетъ?

— Бываетъ.

— Не зналъ. Никогда не слыхалъ отъ нея. Часто?

— Почти ежемѣсячно, и чаще.

— Никогда, никогда не слыхалъ. — Не слыхалъ, — онъ какъ бы ужасно встревожился этимъ фактомъ. — А вы, конечно, слышали отъ нея, что я помѣшанный, брякнулъ онъ опять.

— Нѣтъ, не то, чтобы какъ о помѣшанномъ. Впрочемъ, и объ этой идеѣ слышалъ, но отъ другихъ.

— Вы, стало быть, очень памятьливы, коли могли о такихъ пустякахъ припомнить. А о пощечинѣ слышали?

— Слышалъ нѣчто.

— То-есть все. Ужасно много у васъ времени слушать. И о дуэли⁴⁾?

— И объ дуэли.

— Вотъ гдѣ газетъ не надо. Шатовъ предупреждалъ васъ обо мнѣ?

— Нѣтъ. Я, впрочемъ, знаю господина Шатова, но давно уже не видалъ его.

— Гм... Что это у васъ тамъ за карта? Ба, карта послѣдней войны! Вамъ-то это зачѣмъ?

— Справлялся по ландкартѣ съ текстомъ. Интереснѣйшее описаніе.

— Покажите; да, изложеніе не дурное. Странное однако же для васъ чтеніе.

Онъ придвинулъ къ себѣ книгу и мелькомъ взглянулъ на нее. Это было одно объемистое и талантливое изложеніе обстоятельствъ послѣдней войны, не столько, впрочемъ въ военномъ, сколько въ чисто литературномъ отношеніи. Повертѣвъ книгу, онъ вдругъ нетерпѣливо отбросилъ ее.

— Я рѣшительно не знаю, зачѣмъ я пришелъ сюда брезгливо происнесъ онъ, смотря прямо въ глаза Тихону, будто ожидая отъ него же отвѣта.

— Вы тоже какъ бы не очень здоровы.

— Да, пожалуй.

И вдругъ онъ, впрочемъ, въ самыхъ краткихъ и отрывистыхъ словахъ, такъ что иное трудно было и понять, рассказалъ, что онъ подверженъ, особенно по ночамъ, нѣкотораго рода галюсинаціямъ, что онъ видитъ иногда или чувствуетъ подлѣ себя какое-то злобное существо, насмѣшливое и „разумное“, „въ разныхъ лицахъ и въ разныхъ характерахъ, но оно одно и тоже, а я всегда злюсь!“...

Дики и сбивчивы были эти открытія и дѣйствительно какъ бы шли отъ помѣшаннаго. Но при этомъ Николай Всеволодовичъ говорилъ съ такою странною откровенностью, невиданною въ немъ никогда, съ такимъ простодушіемъ, совершенно ему несвойственнымъ, что, казалось, въ немъ вдругъ и нечаянно исчезъ прежній человѣкъ совершенно. Онъ нисколько не постыдился обнаружить тотъ страхъ, съ которымъ говорилъ о своемъ привидѣніи. Но все это было мгновенно и такъ же вдругъ исчезло, какъ и явилось.

— Все это вздоръ, быстро и съ неловкой досадой проговорилъ онъ, спохватившись. — Я схожу къ доктору.

— Несомнѣнно сходите, подтвердилъ Тихонъ.

— Вы такъ говорите утвердительно... Вы видали такихъ, какъ я, съ такими видѣніями?

— Видываль, но очень рѣдко. Запомню лишь одного такого же въ моей жизни, изъ военныхъ офицеровъ, послѣ потери имъ своей супруги, незамѣнимой для него подруги жизни. О другомъ лишь слышалъ. Оба лѣчили⁵⁾ потомъ за границей... И давно вы сему подвержены?

— Около году, но все это вздоръ. Я схожу къ доктору. И все это вздоръ, вздоръ ужасный. Это я самъ въ разныхъ видахъ, и больше ничего. Такъ какъ я прибавилъ сейчасъ эту... фразу, то вы навѣрно думаете, что я все еще сомнѣваюсь и не увѣренъ, что это я, а не въ самомъ дѣлѣ бѣсъ.

Тихонъ посмотрѣлъ вопросительно.

— И... вы видите его дѣйствительно? спросилъ онъ, то-есть устраняя всякое сомнѣніе въ томъ, что это несомнѣнно фальшивая и болѣзненная галюцинація,—видите ли вы въ самомъ дѣлѣ какой-нибудь образъ?

— Странно, что вы объ этомъ настаиваете, тогда какъ я уже сказалъ вамъ, что вижу, сталъ опять раздражаться съ каждымъ словомъ Ставрогинъ,—разумѣется, вижу, вижу такъ, какъ васъ... а иногда вижу и не увѣренъ, что вижу, хоть и вижу... а иногда не знаю, что правда: я или онъ... вздоръ все это. А вы развѣ никакъ не можете предположить, что это въ самомъ дѣлѣ бѣсъ! прибавилъ онъ, засмѣявшись и слишкомъ рѣзко переходя въ насмѣшливый тонъ,—вѣдь это было бы сообразнѣе съ вашей профессіей.

— Вѣроятнѣе, что болѣзнь, хотя...

— Хотя что?

— Бѣсы существуютъ несомнѣнно, но пониманіе о нихъ можетъ быть весьма различное.

— Вы оттого опять опустили сейчасъ глаза, подхватилъ Ставрогинъ съ раздражительной насмѣшкой,—что вамъ стало стыдно за меня, что я въ бѣса-то вѣрую, но подъ видомъ того, что не вѣрую, хитро задаю вамъ вопросъ: есть ли онъ или нѣтъ въ самомъ дѣлѣ?

Тихонъ неопредѣленно улыбнулся⁶⁾.

— Ну такъ знайте, что я вовсе не стыжусь и чтобы удовлетворить васъ за грубость, я вамъ серьезно и нагло скажу: я вѣрую въ бѣса, вѣрую канонически, въ личнаго, не въ аллегорію, и мнѣ ничего не нужно ни отъ кого выпытывать, вотъ вамъ и все⁷⁾).

Онъ нервно, неестественно засмѣялся. Тихонъ съ любопытствомъ смотрѣлъ на него, но какъ бы нѣсколько робкимъ, хотя и мягкимъ взглядомъ.

— Въ Бога вѣруете? брякнулъ вдругъ Николай Всеволодовичъ.

— Вѣрую!

— Вѣдь сказано, если вѣруешь и прикажешь горѣ сдвинуться, то она сдвинется... впрочемъ извините меня за вздоръ. Однако я всетаки хочу полюбопытствовать: сдвинете вы гору или нѣтъ?

— Богъ повелитъ, и сдвину, тихо и сдержанно произнесъ Тихонъ, начиная опять опускать глаза.

— Ну, это все равно, что Самъ Богъ сдвинетъ. Нѣтъ, вы, вы, въ награду за вашу вѣру въ Бога?

— Можетъ быть и не сдвину.

— „Можетъ быть“? ⁸⁾ Ну и это не дурно. А впрочемъ все еще сомнѣваетесь?

— По несовершенству вѣры моей сомнѣваюсь.

— Какъ, и вы несовершенно вѣруете?

— Да... можетъ быть, вѣрую и не въ совершенствѣ—отвѣтилъ Тихонъ.

— Вотъ бы не предположилъ, на васъ глядя!— окинулъ онъ вдругъ его глазами съ нѣкоторымъ удивленіемъ, совсѣмъ уже прямодушнымъ, что вовсе не гармонировало съ насмѣшливымъ тономъ предыдущихъ вопросовъ.

— Ну всетаки, однако же вѣруете, что хоть съ Божіею-то помощью сдвинете, и это вѣдь не мало. По крайней мѣрѣ, хотите вѣровать. И гору принимаете буквально. Хорошій принципъ. Я замѣтилъ, что передовые изъ нашихъ Левитовъ сильно наклонены къ лютеранству. Это всетаки побольше, чѣмъ *ignès reu* одного тоже архіепископа, правда, подъ саблей. Вы, конечно, и христіанинъ. Ставрогинъ говорилъ быстро, слова сыпались, то серьезно, то насмѣшливо.

— Креста Твоего, Господи, да не постыжуся,— почти прошепталъ Тихонъ, какимъ-то страстнымъ шепотомъ и склоняя еще болѣе голову⁹).

— А можно ль вѣровать въ бѣса, не вѣруя въ Бога, засмѣялся Ставрогинъ.

— О, очень можно, сплошь и рядомъ, поднялъ глаза Тихонъ и улыбнулся.

— И увѣренъ, что такую вѣру вы находите все-таки почтеннѣе, чѣмъ полное безвѣріе...¹⁰) захохоталъ Ставрогинъ.

— Напротивъ, полный атеизмъ почтеннѣе свѣтскаго равнодушія, повидимому весело и простодушно, отвѣтилъ Тихонъ.

— Ого, вотъ вы какъ!

— Совершенный атеистъ стоитъ на предпоследней верхней ступени до совершеннѣйшей вѣры (тамъ перешагнетъ ли ее, нѣтъ ли), а равнодушный никакой уже вѣры не имѣетъ, кромѣ дурного страха, да и то лишь изрѣдка, если чувствительный человѣкъ.

— Гм... вы читали Апокалипсисъ?

— Читалъ.

— Помните: „Ангелу Лаодикійской церкви напиши“...

— Помню¹¹).

— Гдѣ у васъ книга, какъ-то странно заторопился и затревожился Ставрогинъ, ища глазами на столѣ книгу, — мнѣ хочется вамъ прочесть... русскій переводъ есть?

— Я знаю мѣсто, помню,—проговорилъ Тихонъ.

— Помните наизусть? Прочтите...

Онъ быстро опустилъ глаза, уперъ обѣ ладони въ колѣни и нетерпѣливо приготовился слушать. Тихонъ прочелъ, припоминая слово въ слово:

„И Ангелу Лаодикійской церкви напиши: сіе глаголетъ Аминь, свидѣтель вѣрный и истинный, начало созданія Божія; знаю твоя дѣла, ни холоденъ, ни горячъ, о если бы ты былъ холоденъ или горячъ. Но поелику ты теплъ, а не горячъ и не холоденъ, то исплюю тебя изъ устъ моихъ. Ибо ты говоришь: я богатъ, разбогатѣлъ и ни въ чемъ не имѣю нужды; а не знаешь, что ты жалокъ и бѣденъ, и нищъ, и слѣпъ и нагъ“...

— Довольно, оборвалъ Ставрогинъ ¹²⁾). Знаете, я васъ очень люблю.

— И я васъ, отозвался вполголоса Тихонъ.

Ставрогинъ замолкъ и вдругъ впалъ опять въ давешнюю задумчивость. Это происходило точно припадками, уже въ третій разъ. Да и Тихону сказалъ онъ „люблю“ тоже чуть не въ припадкѣ, по крайней мѣрѣ, неожиданно для себя самого. Прошло болѣе минуты.

— Не сердитесь, прошепталъ Тихонъ, чуть-чуть дотронувшись пальцемъ до его локтя и какъ-бы самъ робѣя.

Тотъ вздрогнулъ и гнѣвно нахмурилъ брови.

— Почему вы узнали, что я разсердился, быстро произнесъ онъ. Тихонъ хотѣлъ было что-то сказать, но онъ вдругъ перебилъ его въ необъяснимой тревогѣ:

— Почему вы именно предположили, что я непременно долженъ былъ разозлиться. Да, я былъ, золь, вы правы, и именно за то, что вамъ сказалъ „люблю“. Вы правы, но вы грубый циникъ, вы унижительно думаете о природѣ человѣческой. Злобы могло и не быть, будь только другой человѣкъ, а не я... Впрочемъ, дѣло не о человѣкѣ, а обо мнѣ. Все-таки вы чудакъ и юродивый...

Онъ раздражался все больше и больше и, странно, не стѣснялся въ словахъ:

— Слушайте, я не люблю шпионовъ и психологовъ, по крайней мѣрѣ, такихъ, которые въ мою душу лѣзутъ. Я никого не зову въ мою душу, я ни въ комъ не нуждаюсь, я умѣю самъ обойтись. Вы думаете, я васъ боюсь,—возвысилъ онъ голосъ и съ вызывомъ приподнялъ лицо;—вы совершенно убѣждены, что я пришелъ вамъ открыть одну „страшную“ тайну и ждете ее со всѣмъ келейнымъ любопытствомъ, къ которому вы способны. Ну, такъ знайте, что я вамъ ничего не открою, никакой тайны, потому что совершенно безъ васъ могу обойтись...

Тихонъ твердо посмотрѣлъ на него:

— Васъ поразило, что Агнецъ любить лучше холоднаго, чѣмъ только лишь теплаго, сказалъ онъ, — вы не хотите быть только теплымъ. Предчувствую,

что васъ беретъ намѣреніе чрезвычайное, можетъ быть, ужасное. Умоляю, не мучьте себя и скажите все.

— А вы навѣрно знали, что я съ чѣмъ-то пришелъ.

— Я... угадалъ¹³), прошепталъ Тихонъ, опуская глаза.

Николай Всеволодовичъ былъ нѣсколько блѣденъ, руки его немного дрожали. Нѣсколько секундъ онъ неподвижно и молча смотрѣлъ, какъ-бы рѣшаясь окончательно. Наконецъ, вынулъ изъ бокового кармана своего сюртука какіе-то печатные листики и положилъ на столъ.

— Вотъ листки, назначенные къ распространенію, проговорилъ онъ обрывающимся голосомъ. — Если прочтеть хоть одинъ человекъ, то знайте, что я уже ихъ не скрою, а прочтутъ и всѣ. Такъ рѣшено. Я въ васъ не нуждаюсь совсѣмъ, потому что я все рѣшилъ. Но прочтите... Когда будете читать, ничего не говорите, а какъ прочтете — скажите все...

— Читать-ли? нерѣшительно спросилъ Тихонъ.

— Читайте; я спокоенъ.

— Нѣтъ, безъ очковъ не разберу, печать тонкая, заграничная.

— Вотъ очки, подалъ ему со стола Ставрогинъ и отклонился на спинку дивана. Тихонъ не смотрѣлъ на него и углубился въ чтеніе.

II.

Печать была дѣйствительно заграничная — три отпечатанныхъ и сброшюрованныхъ листочка обыкновенной почтовой бумаги малаго формата. Должно быть, отпечатано было, секретно въ какой-нибудь заграничной русской типографіи, и листки съ перваго взгляда очень походили на прокламацію. Въ заголовкѣ стояло: Отъ Ставрогина.

Вношу въ мою лѣтопись этотъ документъ буквально¹⁴). Я позволилъ себѣ исправить орфографическія ошибки, довольно многочисленныя и даже нѣсколько меня удивившія, такъ какъ авторъ всетаки былъ человекъ образованный и даже начитанный

(конечно, судя относительно). Въ слогѣ же измѣненій не сдѣлалъ никакихъ, несмотря на неправильности. Во всякомъ случаѣ явно, что авторъ прежде всего не литераторъ¹⁵).

[Позволю себѣ еще замѣчаніе, хотя и забѣгаю впередъ. Документъ этотъ, по моему, дѣло болѣзненное, дѣло бѣса, овладѣвшаго этимъ господиномъ. Похоже на то, когда страдающій острою болью мечется въ постели, желая найти положеніе, чтобы хотя на мигъ облегчить себя. Даже не облегчить, а лишь бы только замѣнить, хотя на минуту, прежнее страданіе другимъ. И тутъ уже, разумѣется, не до красоты или разумности положенія. Основная мысль документа—страшная, непритворная потребность кары, потребность креста, всенародной казни. А между тѣмъ эта потребность креста всетаки въ человѣкѣ невѣрующемъ въ крестъ, и ужъ это одно составляетъ „идею“, какъ однажды выразился Степанъ Трофимовичъ въ другомъ впрочемъ случаѣ. Съ другой стороны весь документъ въ то же время есть нѣчто буйное и азартное, хотя и написанъ, повидимому, съ другой цѣлью. Авторъ объявляетъ, что онъ не могъ не написать, что онъ былъ, „принужденъ“, и это довольно вѣроятно, онъ радъ бы миновать эту чашу, если бы могъ, но онъ, дѣйствительно, кажется, не могъ и ухватился лишь за удобный случай къ новому буйству. Да, больной мечется въ постели и хочетъ замѣнить одно страданіе другимъ, и вотъ борьба съ обществомъ показалась ему положеніемъ легчайшимъ, и онъ бросаетъ ему вызовъ.

Дѣйствительно, въ самомъ фактѣ подобнаго документа предчувствуется новый неожиданный и непростительный вызовъ обществу. Тутъ поскорѣе бы только встрѣтить какого-нибудь врага.

А кто знаетъ, можетъ быть, все это, то-есть листки съ предназначенною имъ публикаціей, опять таки не что иное, какъ то же самое прикушенное губернаторское ухо въ другомъ только видѣ. Почему это даже мнѣ теперь приходитъ въ голову, когда уже такъ много объяснилось—не могу понягъ. Я и не привожу доказательствъ и вовсе не утверждаю, что документъ фальшивый, то-есть совершенно выду-

манный и сочиненный. Вѣроятно же всего, что правды надо искать гдѣ-нибудь въ серединѣ. А впрочемъ, я уже слишкомъ забѣжалъ впередъ; вѣрнѣе обратиться къ самому документу. Вотъ что прочелъ Тихонъ :]

Отъ Ставрогина.

Я, Николай Ставрогинъ, отставной офицеръ, въ 186* г. жилъ въ Петербургѣ, предаваясь разврату, въ которомъ не находилъ удовольствія. У меня было тогда въ продолженіи нѣкотораго времени три квартиры. Въ одной проживалъ я самъ въ номерахъ со столомъ и прислугою, гдѣ находилась тогда и Марья Лебядкина, нынѣ законная жена моя. Другія же квартиры мои я нанялъ тогда помѣсячно для интриги: въ одной принималъ одну любившую меня даму, а въ другой ея горничную и нѣкоторое время былъ очень занятъ намѣреніемъ свести ихъ обѣихъ такъ, чтобы барыня и дѣвка у меня встрѣтились¹⁶⁾. Зная оба характера, ожидалъ себѣ отъ этой шутки большого удовольствія.

Приготовляя исподволь эту встрѣчу, я долженъ былъ чаще посѣщать одну изъ сихъ двухъ квартиръ въ большомъ домѣ въ Гороховой, такъ какъ сюда приходила та горничная. Тутъ у меня была одна лишь комната, въ четвертомъ этажѣ, нанятая отъ мѣщанъ изъ русскихъ. Сами они помѣщались рядомъ въ другой—тѣснѣе и до того, что дверь раздѣлявшая всегда стояла отворенной, чего я и хотѣлъ. Мужъ у кого-то былъ въ конторѣ и уходилъ съ утра до ночи. Жена, баба лѣтъ сорока, что-то разрѣзывала и сшивала изъ стараго въ новое и тоже перѣдко уходила изъ дому относить, что нашила. Я оставался одинъ съ ихъ дочерью¹⁷⁾, совсѣмъ ребенкомъ на видѣ. Ее звали Матрешей. Мать ее любила, но часто была и по ихъ привычкѣ ужасно кричала на нее по-бабьи. Эта дѣвочка мнѣ прислуживала и убирала у меня за ширмами. Объявляю, что я забылъ нумеръ дома. Теперь по справкѣ знаю, что старый домъ сломанъ, и на мѣстѣ двухъ или трехъ прежнихъ домовъ стоитъ одинъ новый очень большой. Забылъ тоже имя моихъ мѣщанъ (а можетъ быть, и тогда не зналъ). Помню, что мѣщанку звали Степанидой, кажется, Михайлов-

ной. Его не помню¹⁸⁾). Полагаю, что, если очень начать искать и дѣлать возможные справки въ Петербургской полиціи, то найти слѣды можно. Квартира была на дворѣ, въ углу. Все произошло въ іюнѣ. Домъ былъ свѣтлоголубого цвѣта.

Однажды у меня со стола пропалъ перочинный ножикъ, который мнѣ вовсе былъ не нуженъ и валялся такъ. Я сказалъ хозяйкѣ, никакъ не думая о томъ, что она высѣчетъ дочь. Но та только что кричала на дѣвочку¹⁹⁾ за пропажу какой-то тряпки, подозревая, что та ее стащила, и даже отодрала ее за волосы. Когда же эта самая тряпка нашлась подъ скатертью, дѣвочка не захотѣла сказать ни слова въ попрекъ и смотрѣла молча. Я это замѣтилъ и тутъ же въ первый разъ хорошо замѣтилъ лицо дѣвочки, а до тѣхъ поръ оно лишь мелькало. Она была бѣлобрысая и весноватая, лицо обыкновенное, но очень много дѣтскаго и тихаго, чрезвычайно тихаго. Матери не понравилось, что дочь не попрекнула за битые даромъ, и она замахнулась на нее кулакомъ, но не ударила, а тутъ какъ разъ подоспѣлъ мой ножикъ. Въ самомъ дѣлѣ, кромѣ насъ троихъ, никого не было, а ко мнѣ за ширмы входила только дѣвочка. Баба остервенилась, потому что въ первый разъ прибила несправедливо, бросилась къ вѣнику, нарвала изъ него прутьевъ и высѣкла дѣвченку до рубцовъ на моихъ глазахъ, несмотря на то, что ей уже былъ двѣнадцатый годъ. Матреша отъ розогъ не кричала, вѣроятно потому, что я былъ тутъ, но какъ-то странно всхлипывала при каждомъ ударѣ. И потомъ очень всхлипывала цѣлый часъ.

Но прежде того было вотъ что: въ ту самую минуту, когда хозяйка бросилась къ вѣнику, чтобы надергать розогъ, я нашелъ ножикъ на моей кровати, куда онъ какъ-нибудь упалъ со стола. Мнѣ тотчасъ пришло въ голову не объявлять, для того, чтобы ее высѣкли. Рѣшился я мгновенно; въ такія минуты у меня всегда прерывается дыханіе. Но я намѣренъ рассказать все въ болѣе твердыхъ словахъ, чтобъ ужъ ничего болѣе не оставалось скрытаго.

Всякое чрезвычайно позорное, безъ мѣры унижительное, подлое и, главное, смѣшное положеніе, въ

каковыхъ мнѣ случалось бывать въ моей жизни, всегда возбуждало во мнѣ рядомъ съ безмѣрнымъ гнѣвомъ неимоверное наслажденіе. Точно также и въ минуты преступленій и въ минуты опасности жизни. Если бѣ что-нибудь кралъ, то я бы чувствовалъ при совершеніи кражи упоеніе отъ сознанія глубины моей подлости. Не подлость я любилъ (тутъ разумокъ мой бывалъ совершенно цѣль), но упоеніе мнѣ нравилось отъ мучительнаго сознанія низости. Равно всякій разъ, когда я, стоя на барьерѣ, выжидалъ выстрѣла противника, то ощущалъ то же самое позорное и неистовое ощущеніе, а однажды чрезвычайно сильно. Сознаюсь, что часто я самъ искалъ его, потому что оно для меня сильнѣе всѣхъ въ этомъ родѣ. Когда я получалъ пощечину (а я получилъ ихъ двѣ въ мою жизнь), то и тутъ это было, несмотря на ужасный гнѣвъ. Но если сдержатъ при этомъ гнѣвъ, то наслажденіе превыситъ все, что можно вообразить. Никогда я не говорилъ о томъ никому, даже намекомъ и скрывалъ какъ стыдъ и позоръ. Но когда меня разъ больно били въ кабацѣ въ Петербургѣ и таскали за волосы, я не чувствовалъ этого ощущенія, а только неимоверный гнѣвъ, не бывъ пьянъ, и лишь дрался. Но если бы схватилъ меня за волосы и нагнулъ за границу тотъ французъ виконтъ, который ударилъ меня по щекѣ и которому я отстрѣлилъ за это нижнюю челюсть, то я бы почувствовалъ упоеніе и, можетъ, быть, не чувствовалъ бы и гнѣва. Такъ мнѣ тогда показалось.

Все это для того, чтобы всякій зналъ, что никогда это чувство не покоряло меня всего совершенно, а всегда оставалось сознаніе самое полное (да на сознаніи-то все и основывалось). И хотя овладѣвало мною до безразсудства, или, такъ сказать, до упрямства, но никогда до забвенія себя. Доходя во мнѣ до совершеннаго огня, я въ то же время могъ совсѣмъ одолѣть его, даже остановить въ верхней точкѣ; только самъ никогда не хотѣлъ останавливать. Я убѣжденъ, что могъ бы прожить цѣлую жизнь, какъ монахъ, несмотря на звѣриное сладострастье, которымъ одаренъ и которое всегда вызывалъ²⁰). Я всегда господинъ себѣ, когда захочу. Итакъ пусть извѣстно,

что я ни средой, ни болѣзнями безответственности въ преступленіяхъ моихъ искать не хочу.

Кончилась эзекуція, я положилъ ножикъ въ жилетный карманъ и, не сказавъ ни слова, выйдя изъ дома, выбросилъ на улицу, отойдя очень далеко, такъ чтобы никто никогда не узналъ. Потомъ я выждалъ два дня. Дѣвочка, поплакавъ, стала еще молчаливѣе; на меня же, я убѣжденъ, не имѣла злобнаго чувства. Впрочемъ, навѣрно, былъ нѣкоторый стыдъ за то, что ее наказали въ такомъ видѣ при мнѣ²¹). Но и въ стыдѣ этомъ она, какъ ребенокъ, винила, навѣрно, одну себя²²).

Вотъ тогда-то въ эти два дня я и задалъ себѣ разъ вопросъ, могу ли я бросить и уйти отъ замышленнаго намѣренія, и я тотчасъ почувствовалъ, что могу, могу во всякое время и сію минуту. Я около того времени хотѣлъ убить себя отъ болѣзни равнодушія; впрочемъ не знаю отъ чего. Въ эти же два-три дня (такъ какъ непременно надо было выждать, чтобы дѣвочка все забыла) я, вѣроятно, чтобы отвлечь себя отъ непрерывной мечты или только на смѣхъ, сдѣлалъ въ номерахъ кражу. Это была единственная кража въ моей жизни.

Въ этихъ номерахъ гнѣздилося много людей. Между прочимъ и жилъ одинъ чиновникъ съ семействомъ въ двухъ меблированныхъ комнатахъ, лѣтъ сорока, не совсѣмъ глупый и имѣвшій приличный видъ, но бѣдный. Я съ нимъ не сходилъ, и компаніи, которая тамъ окружала меня, онъ боялся. Онъ только-что получилъ жалованье тридцать пять рублей. Главное натолкнуло меня, что мнѣ въ самомъ дѣлѣ въ ту минуту нужны были деньги (хотя я черезъ четыре дня и получилъ съ почты), такъ что я кралъ, какъ будто изъ нужды, а не изъ шутки. Сдѣлано было нагло и явственно; я просто вошелъ въ его номеръ, когда жена, дѣти и онъ обѣдали въ другой каморкѣ. Тутъ на стулѣ, у самой двери лежалъ сложенный вицъ-мундиръ. У меня вдругъ блеснула эта мысль еще въ корридорѣ. Я запустилъ руку въ карманъ и вытащилъ портъ-моне. Но чиновникъ услышалъ шорохъ и выглянулъ изъ каморки. Онъ, кажется, даже видѣлъ, по крайней мѣрѣ, что-нибудь, но такъ какъ не

все, то, конечно, и не повѣрилъ глазамъ. Я сказалъ, что, проходя корридоромъ, зашелъ взглянуть, который часъ на его стѣнныхъ. „Соятъ-съ“, отвѣчалъ онъ, я и вышелъ.

Тогда я много пилъ, и въ номерахъ у меня была цѣлая ватага, въ томъ числѣ и Лебядкинъ. Портмоне я выбросилъ съ мелкими деньгами, а бумажки оставилъ. Было тридцать два рубля, три красныхъ и двѣ желтыхъ. Я тотчасъ же размѣнялъ красную и послалъ за шампанскимъ; потомъ еще послалъ красную, а затѣмъ и третью. Часа черезъ четыре¹, и уже вечеромъ, чиновникъ выждалъ меня въ корридорѣ.

— Вы, Николай Всеволодовичъ, когда давеча заходили, не сронили ли нечаянно со стула вицъ-мундиръ..... у двери лежалъ?

— Нѣтъ, не помню, а у васъ лежалъ вицъ-мундиръ?

— Да, лежалъ-съ.

— На полу?

— Сначала на стулѣ, а потомъ на полу.

— Что жъ вы его подняли?

— Поднялъ.

— Ну, такъ чего жъ вамъ еще?

— Да коли такъ, такъ и ничего-съ.....

Онъ договорить не посмѣлъ, да и въ номерахъ не посмѣлъ никому сказать,—до того бываютъ робки эти люди. Впрочемъ въ номерахъ всѣ меня боялись ужасно и почитали. Я потомъ любилъ съ нимъ встрѣчаться глазами, раза два въ корридорѣ. Скоро наскучило.

Черезъ три дня я воротился въ Гороховую. Мать куда-то собиралась съ узломъ; мѣщанина, разумѣется, не было, остались я и Матреша. Окна были отперты. Въ домѣ все жили мастеровые, и цѣлый день изо всѣхъ этажей слышался стукъ молотковъ или пѣсни. Мы пробыли уже съ часъ. Матреша сидѣла въ своей каморкѣ, на скамеечкѣ, ко мнѣ спиной, и что-то копалась съ иглой. Наконецъ, вдругъ тихо зашѣла, очень тихо, это съ ней иногда бывало. Я вынулъ часы и посмотрѣлъ, который часъ, было два. У меня начинало биться сердце²³). Я всталъ и на-

чалъ къ ней подкрадываться. У нихъ на окнахъ стояло много гераней, и солнце ужасно ярко свѣтило. Я тихо сѣлъ подлѣ нея на полу. Она вздрогнула и сначала неимоვნно испугалась и вскочила. Я взялъ ея руку и тихо поцѣловалъ, принагнувъ ее опять на скамейку и сталъ смотрѣть ей въ глаза. То, что я поцѣловалъ у ней руку, вдругъ разсмѣшило ее, какъ дитю, но только на одну секунду, потому что она стремительно вскочила въ другой разъ, и уже въ такомъ испугѣ, что судорога прошла по лицу. Она смотрѣла на меня до ужаса неподвижными глазами, а губы стали дергаться, чтобы заплакать, но все-таки не закричала. Я опять поцѣловалъ ей руку и взялъ ее къ себѣ на колѣни²⁴). Тогда вдругъ она вся отдернулась и улыбнулась какъ отъ стыда, но какою-то кривою улыбкою. Все лицо вспыхнуло стыдомъ. Я что-то все шепталъ ей, какъ пьяный. Наконецъ, вдругъ случилась такая странность, которую я никогда не забуду и которая привела меня въ удивленіе: дѣвочка обхватила меня за шею руками и начала вдругъ ужасно цѣловать сама. Лицо ея выражало совершенное восхищеніе. Я чуть не всталъ и не ушелъ,—такъ это было мнѣ непріятно въ маленькомъ существѣ отъ жалости, которую я вдругъ почувствовалъ²⁵).

²⁶) * Когда все кончилось, она была смущена. Я не пробовалъ ее разувѣрять и уже не ласкалъ ея. Она глядѣла на меня, робко улыбаясь. Лицо ея мнѣ показалось вдругъ глупымъ. Смущеніе быстро съ каждою минутой овладѣвало ею все болѣе и болѣе. Наконецъ, она закрыла лицо руками и стала въ уголь лицомъ къ стѣнѣ неподвижно. Я боялся, что она опять испугается, какъ давеча, и молча ушелъ изъ дому.

Полагаю, что все случившееся должно было ей представиться окончательно, какъ безпредѣльное безобразіе, со смертнымъ ужасомъ. Несмотря на русскія ругательства, которыя она должна была слышать съ пеленокъ, и всякіе странные разговоры, я имѣю полное убѣжденіе, что она еще ничего не понимала. Навѣрное, ей показалось въ концѣ концовъ, что она сдѣлала неимоვნое преступленіе, и въ немъ смертельно виновата, „Бога убила“.

Въ ту ночь я имѣлъ ту драку въ кабакѣ, о которой мелькомъ упоминалъ. Но я проснулся у себя въ номерахъ на утро, меня привезъ Лебядкинъ. Первая мысль по пробужденіи была о томъ: сказала она или нѣтъ. * Это была минута настоящаго страха, хотъ и не очень еще сильнаго. Я былъ очень веселъ въ то утро и ужасно ко всѣмъ добръ, и вся ватага была мною очень довольна. Но я бросилъ ихъ всѣхъ и пошелъ въ Гороховую. Я встрѣтился съ нею еще внизу, въ сѣняхъ. Она шла изъ лавочки, куда ее послали за цикоріемъ. Увидѣвъ меня, она стрѣльнула въ ужасномъ страхѣ вверхъ по лѣстницѣ. Когда я вошелъ, мать уже хлеснула ее за то, что вбѣжала въ квартиру „сломя голову“, чѣмъ и прикрылась настоящая причина ея испуга. Итакъ, все пока было спокойно. Она куда-то забила и не входила все время, пока я былъ. Я пробылъ съ часъ и ушелъ.

Къ вечеру я опять почувствовалъ страхъ, но уже несравненно сильнѣе. Конечно, я могъ отпереться, но меня могли и уличить, мнѣ мерещилась каторга. Я никогда не чувствовалъ страху и, кромѣ этого случая въ моей жизни, ни прежде, ни послѣ ничего не боялся. И ужъ особенно Сибири, хотя и могъ быть сосланъ не однажды. Но въ этотъ разъ я былъ испуганъ и дѣйствительно чувствовалъ страхъ, не знаю почему, въ первый разъ въ жизни—ощущеніе, очень мучительное. Кромѣ того, вечеромъ у меня въ номерахъ, я возненавидѣлъ ее до того, что рѣшился убить. Главная ненависть моя при воспоминаніи объ ея улыбкѣ. Во мнѣ рождалось презрѣніе съ непо-мѣрною гадливостью за то, какъ она бросилась послѣ всего въ уголь и закрылась руками, меня взяло неизъяснимое бѣшенство, затѣмъ послѣдовалъ ознобъ, когда же подъ утро сталъ наступать жаръ, меня опять одолѣлъ страхъ, но уже такой сильный, что я никакого мученія не зналъ сильнѣй. Но я уже не ненавидѣлъ болѣе дѣвочку—по крайней мѣрѣ, до такого пароксизма, какъ съ вечера—не доходило. Я замѣтилъ, что сильный страхъ совершенно прогоняетъ ненависть и чувство мщенія.

Проснулся я около полудня, здоровый и даже удивился силѣ вчерашнихъ ощущеній.—Однако же былъ

въ дурномъ расположеніи духа и опять-таки принужденъ былъ пойти въ Гороховую, несмотря на все отвращеніе. Помню, что мнѣ ужасно хотѣлось бы въ ту минуту дорогою имѣть съ кѣмъ-нибудь ссору, но только серьезную. Но, придя на Гороховую, я вдругъ нашелъ у себя въ комнатѣ Нину Савельевну, ту горничную, которая уже съ часъ ожидала меня. Эту дѣвушку я совсѣмъ не любилъ, такъ что она пришла сама немного въ страхѣ, не разсержусь ли я за незванный визитъ. Но я вдругъ ей обрадовался. Она была недурна, но скромна и съ манерами, которыя любятъ мѣщанство, такъ что моя баба хозяйка давно уже очень мнѣ хвалила ее. Я засталъ ихъ обѣихъ за кофеемъ, а хозяйку въ чрезвычайномъ удовольствіи отъ пріятной бесѣды. Въ углу ихъ каморки я замѣтилъ Матрешу. Она стояла и смотрѣла на мать и на гостью неподвижно. Когда я вошелъ, она не спряталась, какъ тогда, и не убѣжала. Мнѣ только показалось, что она очень похудѣла и что у ней жаръ. Я приласкалъ Нину и заперъ дверь къ хозяйкѣ, чего давно не дѣлалъ, такъ что Нина ушла совершенно обрадованная. Я ее самъ вывелъ и два дня не возвращался въ Гороховую. Мнѣ уже надоѣло. Я рѣшился все покончить, отказаться отъ квартиры и уѣхать изъ Петербурга²⁷).

Но когда я пришелъ, чтобы отказаться отъ квартиры, я засталъ хозяйку въ тревогѣ и въ горѣ: Матреша была больна уже третій день, каждую ночь лежала въ жару и ночью бредила. Расумѣется, я спросилъ, объ чемъ она бредитъ (мы говорили шопотомъ въ моей комнатѣ), она мнѣ зашептала, что бредитъ „ужасти“: „Бога убила“. Я предложилъ привести доктора на мой счетъ, но она не захотѣла: „Богъ дастъ и такъ пройдетъ, не все лежитъ, днемъ то выходитъ, сейчасъ въ лавочку сбѣгала“. Я рѣшился застать Матрешу одну, а такъ какъ хозяйка проговорила, что къ пяти часамъ ей надо сходить на Петербургскую, то и положилъ воротиться вечеромъ.

Я пообѣдалъ въ трактирѣ. Ровно въ пять съ четвертью воротился. Я входилъ всегда съ своимъ ключемъ. Никого, кромѣ Матрешы, не было. Она лежала въ каморкѣ за ширмами на материнной кровати и я

видѣлъ, какъ она выглянула; но я сдѣлалъ видъ, что не замѣчаю. Всѣ окна были отворены. Воздухъ былъ теплъ, было даже жарко. Я походилъ и сѣлъ на диванъ. Все помню до послѣдней минуты. Мнѣ рѣшительно доставляло удовольствіе не заговаривать съ Матрешей, а томить ее, не знаю почему. Я ждалъ цѣлый часъ и вдругъ она выскочила сама изъ-за ширмъ. Я слышалъ, какъ стукнули ея обѣ ноги объ полъ, когда она вскочила съ кровати, потомъ довольно скорые шаги, и она стала на порогъ моей комнаты. Она стояла и глядѣла молча. Я такъ былъ низокъ, что у меня дрогнуло сердце отъ радости, что выдержалъ характеръ и дождался, что она вышла первая. Въ эти дни, въ которые я съ того времени ни разу не видалъ ея близко, дѣйствительно похудѣла ужасно. Лицо ея высохло и голова навѣрно была горяча.

Глаза стали большіе и глядѣли на меня неподвижно, съ тупымъ любопытствомъ, какъ мнѣ показалось сначала. Я сидѣлъ, смотрѣлъ и не трогался. И тутъ вдругъ опять почувствовалъ ненависть. Но очень скоро замѣтилъ, что она совсѣмъ меня не пугается, а, можетъ быть, скорѣе въ бреду. Но и въ бреду не была. Она вдругъ часто закивала на меня головой, какъ киваютъ, когда очень укоряютъ наивные и не имѣющіе манеръ, и вдругъ подняла на меня свой маленькій кулачекъ и начала грозить съ мѣста. Первое мгновеніе мнѣ это движеніе показалось смѣшнымъ, но дальше я не могъ вынести²⁸). На ея лицѣ было такое отчаяніе, которое невозможно было видѣть въ лицѣ ребенка. Она все махала на меня своимъ кулаченкомъ съ угрозой и все кивала, укоряя. Я всталъ и подвинулся къ ней въ страхъ, осторожно заговорилъ негромко и ласковѣе, но увидѣлъ, что она не пойметъ. Потомъ вдругъ она стремительно закрылась обѣими руками, какъ тогда, отошла и встала къ окну ко мнѣ спиной. Я воротился въ свою комнату и сѣлъ тоже у окна. Никакъ не пойму, почему я тогда не ушелъ и остался какъ будто ждать. Вскорѣ я опять услышалъ поспѣшные шаги ея, она вышла въ дверь на деревянную галерею, съ которой и былъ входъ внизъ по лѣстницѣ,

и я тотчасъ побѣжалъ къ моей двери, пріотворилъ и успѣлъ еще подглядѣть, какъ Матреша вошла въ крошечный чуланъ, вродѣ курятника, рядомъ съ другимъ мѣстомъ. Очень любопытная мысль блеснула въ моемъ умѣ. Я до сихъ поръ не пойму, почему она такъ вдругъ первая пришла мнѣ въ голову, значить къ тому вело. Я притворилъ дверь и опять сѣлъ къ окну. Разумѣется, мелькнувшей мысли вѣрить еще было нельзя;—„но однако“... (Я все помню, и сердце билось сильно.)

Черезъ минуту я посморѣлъ на часы и замѣтилъ, какъ можно точнѣе время. Для чего мнѣ нужна была точность времени, не знаю, но я въ силахъ былъ это сдѣлать и вообще въ ту минуту я все хотѣлъ замѣчать. Такъ что замѣченное помню теперь и вижу, какъ сейчасъ. Надвигался вечеръ. Надо мной жужжала муха и все садилась мнѣ на лицо. Я поймалъ, подержалъ въ пальцахъ и выпустилъ за окно. Очень громко въѣхала внизу во дворъ телѣга. Очень громко (и давно уже) пѣлъ пѣсню въ углу двора въ окнѣ одинъ мастеровой, портной. Онъ сидѣлъ за работой, и мнѣ его было видно. Мнѣ пришло въ голову, что, такъ какъ меня никто не повстрѣчалъ, когда я входилъ въ ворота и подымался по лѣстницѣ, то, конечно, не надо, чтобы и теперь повстрѣчали, когда я буду сходить внизъ, и я отодвинулъ осторожно мой стулъ отъ окна такъ, чтобъ меня не могли видѣть жильцы. Взялъ книгу, но бросилъ и сталъ смотрѣть на крошечнаго красненькаго паучка на листкѣ герани и забылся. Я все помню до послѣдняго мгновенья.

Я вдругъ выхватилъ часы. Прошло двадцать минутъ съ тѣхъ поръ, какъ она вышла. Догадка принимала видъ вѣроятности. Но я рѣшился подождать еще ровно четверть часа. Приходило тоже въ голову, не воротилась ли она, а я, можетъ быть, прослышалъ; но этого не могло и быть: была мертвая тишина, и я могъ слышать пискъ каждой мушки. Вдругъ у меня стало опять биться сердце. Я вынулъ часы: не доставало трехъ минутъ; я ихъ высидѣлъ, хотя сердце билось до боли. Тутъ я всталъ, накрывшись шляпой, застегнулъ пальто и осмотрѣлся въ

комнатѣ, не осталось ли слѣдовъ, что я заходилъ. Стулъ я передвинулъ ближе къ окну такъ, какъ онъ стоялъ прежде. Наконецъ, тихо отворилъ дверь. Заперъ ее моимъ ключемъ и пошелъ къ чуланчику. Онъ былъ припертъ, но не запертъ; я зналъ, что онъ не запирался, но я отворить не хотѣлъ, а поднялся на ципочки и сталъ глядѣть въ щель. Въ это самое мгновенье, подымаясь на ципочки, я припомнилъ, что когда сидѣлъ у окна и смотрѣлъ на краснаго паучка и забылся, то думалъ о томъ, какъ я приподымусь на ципочки и достану глазомъ до этой щелки. Вставляя сдѣсь эту мелочь, хочу непременно доказать, до какой степени явственно я владѣлъ моими умственными способностями и за все отвѣчаю. Я долго глядѣлъ въ щель, потому что тамъ было темно, но не совершенно, такъ что наконецъ я разглядѣлъ, что было мнѣ надо...

Наконецъ уже рѣшился уйти. Я никого не встрѣтилъ на лѣстницѣ. Часа черезъ три мы всѣ, безъ сюртуковъ, пили въ номерахъ чай и играли въ старыя карты, Лебядкинъ читалъ стихи. Много рассказывали и какъ нарочно всѣ удачно и смѣшно, а не такъ, какъ всегда глупо. Былъ тогда и Кирилловъ. Никто не пилъ, хотя и стояла бутылка рома, но прикладывался одинъ Лебядкинъ.

Прохоръ Маловъ замѣтилъ, что „когда Николай Всеволодовичъ доволенъ и не хандритъ, то всѣ наши веселы и умно говорятъ“. Я запомнилъ это тогда же, стало быть, я былъ веселъ, доволенъ и не хандритъ. Это съ виду. Но я помню, что я зналъ, что я низкій и подлый трусъ совершенно за мою радость освобожденія и болѣе никогда не буду благороднымъ²⁹⁾, [ни здѣсь, ни послѣ смерти и никогда. И вотъ что еще: со мной сбылась въ ту минуту жидовская поговорка: »Свое дурно, но не пахнетъ«. Ибо хотя я и чувствовалъ про себя, что подлець, но того не стыдился и вообще мало мучился. Тогда, сидя за чаемъ и что-то болтая съ ними, строго формулировалъ про себя въ первый разъ въ жизни; что не знаю и не чувствую зла и добра и что не только потерялъ ощущение, но что и нѣтъ зла и добра (и это было мнѣ пріятно), а одинъ предразсудокъ: что я могу быть

свободенъ отъ всякаго предразсудка, но что, если и достигну той свободы, то я погибъ. Это было въ первый разъ созннное въ формулѣ и именно тогда зачаемъ, когда я съ ними вралъ и смѣялся, не знаю о чемъ. Но зато я все помню. Старыя, всѣмъ извѣстныя мысли часто представляются вдругъ, какъ совсѣмъ новыя, даже иногда послѣ пятидесяти лѣтъ жизни.

Но зато и все время чего то ждалъ. Такъ и случилось], часовъ уже въ одиннадцать прибѣжала дворникова дѣвочка отъ хозяйки съ Гороховой, съ извѣстіемъ ко мнѣ, что Матреша повѣсилась. Я пошелъ съ дѣвочкой и увидѣлъ, что хозяйка сама не знала, зачѣмъ посылала за мной. Она вопила и билась, было много народу, полицейскіе. Я постоялъ и ушелъ.

Меня почти не беспокоили все время, впрочемъ спросили, что слѣдуетъ. Но кромѣ того, что дѣвочка была больна и бывала въ бреду, такъ что я предлагалъ съ своей стороны доктора на мой счетъ, я ничего не показавъ. Спрашивали что-то меня и про ножикъ; я сказалъ, что хозяйка высѣкла, но что это было ничего. Про то, что я приходилъ вечеромъ никто не зналъ³⁰).

Съ недѣлю я не заходилъ туда. Зашелъ, когда уже давно похоронили, чтобы сдать квартиру. Хозяйка все еще плакала, хотя уже возилась съ своимъ доскутьемъ и съ шитьемъ попрежнему. „Это я за вашъ ножикъ ее обидѣла“, сказала она мнѣ, но безъ большого укора. Я рассчитался подъ тѣмъ предлогомъ, что нельзя же мнѣ теперь оставаться въ такой квартирѣ, чтобъ принимать въ ней Нину Савельевну. Она еще разъ похвалила Нину Савельевну на прощаніе. Уходя, я подарилъ ей пять рублей сверхъ должнаго за квартиру.

Главное мнѣ было скучно жить до одури. Происшествіе въ Гороховой по минованію опасности я бы совсѣмъ забылъ, какъ и все тогдашнее, если бы нѣкоторое время я не вспоминалъ со злостью о томъ, какъ я струсилъ.

Я изливалъ мою злость, на комъ я могъ. Въ то время, но вовсе не почему-нибудь и пришла мнѣ мысль искалѣчить какъ-нибудь жизнь, но только

какъ можно противнѣе. Я уже съ годъ назадъ помышлялъ застрѣлиться; представилось нѣчто лучше.

Разъ, смотря на хромую Марью Тимоѳеевну Лебядкину, прислуживавшую отчасти въ углахъ, тогда еще не помѣшанную, но просто восторженную идиотку, безъ ума влюбленную въ меня втайнѣ (о чемъ выслѣдили наши), я рѣшился вдругъ на ней жениться. Мысль о бракѣ Ставрогина съ такимъ послѣднимъ существомъ шевелила мои нервы. Безобразнѣе нельзя было вообразить ничего³¹⁾. Но во всякомъ случаѣ я обвинчался не изъ одного только „пари на вино послѣ пьянаго обѣда“. Свидѣтелями брака были Кирилловъ и Петръ Верховенскій, тогда случивщійся въ Петербургѣ; наконецъ, самъ Лебядкинъ и Прохоръ Маловъ (теперь умеръ). Болѣе никто никогда не узналъ, а тѣ дали слово молчать. Мнѣ всегда казалось это молчаніе какъ бы гадостью, но до сихъ поръ оно не нарушено, хотя я и имѣлъ намѣреніе объявить; теперь объявляю заодно.

Обвинчавшись, я тогда уѣхалъ въ губернію къ моей матери. Я поѣхалъ для развлеченія³²⁾. Въ нашемъ городѣ я оставилъ по себѣ идею, что я помѣшанъ—идею, до сихъ даже поръ неискоренившуюся и мнѣ несомнѣнно вредную, о чемъ объясню ниже. Потомъ я уѣхалъ за границу и пробылъ четыре года.

Я былъ на Востокѣ, на Аѳонѣ, выстаивалъ восьмичасовыя всенощныя, былъ въ Египтѣ, жилъ въ Швейцаріи, былъ даже въ Исландіи; просидѣлъ цѣлый годовой курсъ въ Геттингенѣ. Въ послѣдній годъ я очень сошелся съ однимъ знатнымъ русскимъ семействомъ въ Парижѣ и съ двумя русскими дѣвцами въ Швейцаріи. Года два тому назадъ, въ Франкфуртѣ, проходя мимо бумажной лавки, я, между продажными фотографіями, замѣтилъ маленькую карточку одной дѣвочки, одѣтой въ изящный дѣтскій костюмъ, но очень похожую на Матрешу. Я тотчасъ купилъ карточку и, придя въ отель, положилъ на каминъ. Здѣсь она такъ и пролежала съ недѣлю нетронутая, и я ни разу не взглянулъ на нее, а уѣзжая изъ Франкфурта, забылъ взять съ собою.

Заношу это именно, чтобы доказать, до какой степени я могъ властвовать надъ моими воспоминаніями,

и сталъ къ нимъ безчувственнымъ. Я отвергалъ ихъ всѣ разомъ въ массѣ, и вся масса послушно исчезала, каждый разъ, какъ только я того хотѣлъ. Мнѣ всегда было скучно припоминать прошлое, и никогда я не могъ толковать о прошломъ, какъ дѣлаютъ почти всѣ, тѣмъ болѣе, что оно было мнѣ, какъ и все мое, ненавистно. Что же касается до Матрешы, то я даже карточку ея позабылъ на каминѣ. Тому назадъ съ годъ, весной, слѣдуя черезъ Германію, я въ разсѣянности проѣхалъ станцію, съ которой долженъ былъ повернуть на мою дорогу, и попалъ на другую вѣтвь. Меня высадили на слѣдующей станціи; былъ третій часъ пополудни, день ясный. Это былъ крошечный нѣмецкій городокъ. Мнѣ указали гостинницу. Надо было выждать. Слѣдующій поѣздъ проходилъ въ одиннадцать часовъ ночи. Я даже былъ доволенъ приключеніемъ, потому что никуда не спѣшилъ. Гостинница оказалась дрянная и маленькая, но вся въ зелени, и кругомъ обставленная клумбами цвѣтовъ. Мнѣ дали тѣсную комнатку. Я славно поѣлъ, и такъ какъ всю ночь былъ въ дорогѣ, то отлично заснулъ послѣ дороги часа въ четыре пополудни.

Мнѣ приснился совершенно неожиданный для меня сонъ, потому что я никогда не видалъ въ этомъ родѣ. Въ Дрезденѣ въ галлерей существуетъ картина Клодъ Лорена, по каталогу, кажется, „Асисъ и Галатея“, я же называлъ ее всегда „Золотымъ вѣкомъ“, самъ не знаю почему. Я уже и прежде ее видѣлъ, а теперь дня три назадъ еще разъ мимоѣздомъ замѣтилъ. Даже нарочно ходилъ, чтобъ на нее посмотреть, и можетъ быть, для нее только и заѣзжалъ въ Дрезденъ. Эта-то картина мнѣ и приснилась, но не какъ картина, а какъ будто какая-то была.

Это—уголокъ Греческаго архипелага; голубыя ласковыя волны, острова и скалы, цвѣтущее прибрежье, волшебная панорама вдали, заходящее зовущее солнце—словами этого не передашь. Тутъ запомнило свою колыбель европейское человѣчество, здѣсь первыя сцены изъ мифологіи, его земной рай... Тутъ жили прекрасные люди. Они вставали и засыпали счастливые и невинные; рожи наполнялись ихъ веселыми пѣснями, великій избытокъ непочатыхъ силъ

уходилъ въ любовь и въ простодушную радость. Солнце обливало лучами эти острова и море, радуясь на своихъ прекрасныхъ дѣтей. Чудный сонъ, высокое заблужденіе! Мечта самая невѣроятная изъ всѣхъ, какія были, но которой все человѣчество всю свою жизнь отдавало всѣ свои силы, для которой всѣмъ жертвовало, для которой умирали на крестахъ и убивались его пророки, безъ которой народы не захотятъ жить и не могутъ даже умереть. Все это ощущение я какъ будто прожилъ въ этомъ снѣ; я не знаю, что мнѣ именно снилось, но скалы и море и косые лучи заходящаго солнца, все это я какъ будто еще видѣлъ, когда проснулся и раскрылъ глаза, въ первый разъ въ жизни буквально омоченные слезами. Ощущеніе счастья еще мнѣ неизвѣстнаго прошло сквозь все сердце мое даже до боли. Былъ уже полный вечеръ; въ окно моей маленькой комнаты, сквозь зелень стоящихъ на окнѣ цвѣтовъ прорывался цѣлый пукъ яркихъ косыхъ лучей заходящаго солнца и обливалъ меня свѣтомъ. Я поскорѣе закрылъ опять глаза, какъ бы жаждая возвратитъ миновавшій сонъ, но вдругъ какъ бы среди яркаго—яркаго свѣта, я увидѣлъ какую-то крошечную точку. Эта точка стала вдругъ принимать какой-то образъ, и вдругъ мнѣ явственно представился крошечный красненькій паучекъ. Мнѣ сразу припомнился онъ на листкѣ герани, когда также лились лучи заходящаго солнца. Что-то какъ будто вонзилось въ меня, я приподнялся и сѣлъ на постель....

(Вотъ все какъ это тогда случилось!)

Я увидѣлъ передъ собою! (О, не наяву! Если бы это было настоящее видѣніе!) я увидѣлъ Матрешу, исхудавшую и съ лихорадочными глазами, точь въ точь какъ тогда, когда стояла она у меня на порогѣ и, кивая мнѣ головой, подняла на меня свой крошечный кулачекъ. И никогда ничего не являлось мнѣ столь мучительнымъ! Жалкое отчаяніе беспомощнаго⁸⁹) существа съ несложившимся разумомъ, мнѣ грозившаго (чѣмъ? что могло оно мнѣ сдѣлать, о Боже!), но обвинявшаго, конечно, одну себя! Никогда еще ничего подобнаго со мной не было. Я просидѣлъ до ночи, не двигаясь и забывъ время. Это ли

называется угрызеніемъ совѣсти или раскаяніемъ, не знаю и не могъ бы сказать до сихъ поръ³⁴). Но мнѣ невыносимъ только одинъ этотъ образъ, и именно на порогѣ съ своимъ поднятымъ и грозящимъ мнѣ маленькимъ кулачкомъ, одинъ только этотъ ея тогдашній видъ, только одна тогдашняя минута, только это киванье головой. Вотъ чего именно я не могу выносить, потому что съ тѣхъ поръ представляется мнѣ почти каждый день. Не само оно представляется, а я его самъ вызываю и не могу не вызывать, хотя и не могу съ нимъ жить. О, если бы я когда-нибудь увидалъ ее наяву, хотя бы въ галюсинаціи!³⁵)

Почему же ни одно изъ воспоминаній моей жизни не возбуждаетъ во мнѣ ничего подобнаго, а было вѣдь много воспоминаній, можетъ быть, еще гораздо худшихъ передъ судомъ людей. Одну развѣ ненависть, да и то вызванную теперешнимъ положеніемъ, а прежде я хладнокровно забывалъ и отстранялъ.

Я скитался послѣ того почти весь этотъ годъ и старался заняться. Я знаю, что я бы могъ устранить и теперь Матрешу, когда захочу. Я совершенно владѣю моею волей попрежнему. Но въ томъ все и дѣло, что никогда не хотѣлъ того сдѣлать, самъ не хочу и не буду хотѣть. Такъ и продолжится вплоть до моего сумасшествія.

Въ Швейцаріи два мѣсяца спустя я ощутилъ припадокъ такой же страсти съ однимъ изъ такихъ же неистовыхъ порывовъ, какъ бывало это лишь когда-то первоначально³⁶). Я почувствовалъ ужасный соблазнъ на новое преступленіе, именно, совершить двоеженство (потому что я уже женатъ); но я бѣжалъ по совѣту другой дѣвушки, которой я открылся почти во всемъ и даже въ томъ, что совсѣмъ не люблю ту, которую такъ желалъ, и что никого никогда не могу любить. — Къ тому же это новое преступленіе нисколько не избавило бы меня отъ Матрешы.

Такимъ образомъ я рѣшился отпечатать эти листки и ввезти ихъ въ Россію въ трехстахъ экземплярахъ; когда придетъ время, я отошлю въ полицію и къ мѣстной власти; одновременно пошлю въ редакціи всѣхъ газетъ съ просьбой гласности и множеству меня знаю-

щихъ въ Петербургѣ и въ Россіи лицъ. Равномѣрно появится въ переводѣ заграницей. Я знаю, что юридически я, можетъ быть, и не буду обезпокоенъ, по крайней мѣрѣ, значительно; я одинъ на себя объявляю и не имѣю обвинителя; кромѣ того, никакихъ или чрезвычайно мало доказательствъ. Наконецъ, укоренившаяся идея о разстройствѣ моего разсудка и, навѣрно, стараніе моихъ родныхъ, которые этою идеею воспользуются и затушатъ всякое опасное для меня юридическое преслѣдованіе. Это я заявляю между прочимъ для того, чтобы доказать, что я теперь въ полномъ умѣ и положеніе мое понимаю. Но для меня останутся тѣ, которые будутъ знать все и на меня глядѣть, а я на нихъ. Я хочу, чтобъ на меня всѣ глядѣли. Облегчить ли это меня — не знаю. Прибѣгаю какъ къ послѣднему средству.

Еще разъ: если очень поискать въ Петербургской полиціи, то, можетъ быть, и отыщется. Мѣщане могутъ быть и теперь въ Петербургѣ. Домъ, конечно, припомнятъ. Онъ былъ свѣтло-голубой. Я же никуда не уѣду и нѣкоторое время (съ годъ или два) всегда буду находиться въ Скворешникахъ, имѣніи моей матери. Если же потребуютъ, явлюсь всюду.

Николай Ставрогинъ.

III.³⁷⁾

Чтеніе продолжалось около часа. Тихонъ читалъ медленно и, можетъ быть, перечитывалъ нѣкоторыя мѣста по другому разу. Все время Ставрогинъ сидѣлъ молча и неподвижно. Странно,³⁸⁾ что оттѣнокъ будто нетерпѣнія, разсѣянности и какъ бы бреда, бывшій въ лицѣ его все это утро, почти исчезъ, смѣнившись спокойствіемъ и какъ бы какой-то искренностью, что придавало ему видъ почти достоинства. Тихонъ снялъ очки, помедлилъ и поднялъ, наконецъ, на него глаза и началъ первый съ нѣкоторою осторожностью.

— А нельзя ли въ документѣ семъ сдѣлать инныя исправленія?

— Зачѣмъ? Я писалъ искренно—отвѣтилъ Ставрогинъ.

— Немного бы въ слогѣ...

— Я забылъ васъ предупредить, быстро и рѣзко произнесъ онъ, весь дернувшись впередъ, что всѣ слова ваши будутъ напрасны; я не отложу моего намѣренія; не трудитесь отговаривать. Я опубликую.

— Вы объ этомъ не забыли предупредить еще давеча, прежде чтенія.

— Все равно, рѣзко перервалъ Ставрогинъ, повторяю опять: какова бы ни была сила вашихъ возраженій, я отъ моего намѣренія не отстану. Замѣтьте, что этою неловкою фразой или ловкою—думайте, какъ хотите—я вовсе не напрашиваюсь, чтобы вы поскорѣе начали мнѣ возражать и меня упрашивать³⁹).

— Я возражать вамъ и особенно упрашивать, чтобъ оставили ваши намѣренія, и не могъ бы. Мысль эта— великая мысль и полнѣе не можетъ выразиться христіанская мысль. Дальше подобнаго удивительнаго подвига, который вы замыслили, итти покаяніе не можетъ, если бы только...

— Если бы что?

— Если бы это дѣйствительно было покаяніе и дѣйствительно христіанская мысль.

— Я писалъ искренно.

— Вы какъ будто нарочно грубѣе хотите представить себя, чѣмъ бы желало сердце ваше... осмѣливался все болѣе и болѣе Тихонъ. Очевидно, „документъ“ произвелъ на него сильное впечатлѣніе.

— Представить? повторяю вамъ: я не „представлялся“ и въ особенности не „ломался“.

Тихонъ быстро опустилъ глаза.

— Документъ этотъ идетъ прямо изъ потребности сердца, смертельно уязвленнаго, — такъ ли я понимаю? произнесъ онъ съ настойчивостью и съ необыкновеннымъ жаромъ. — Да, сіе есть покаяніе и натуральная потребность его, васъ поборовшая, и вы попали на великій путь, путь изъ неслыханныхъ. Но вы какъ бы уже ненавидите и презираете впередъ всѣхъ тѣхъ, которые прочтутъ здѣсь описанное,

и зовете ихъ въ бой. Не стыдясь признаться въ преступленіи, зачѣмъ стыдитесь вы покаянія.

— Стыжусь?

— И стыдитесь и боитесь!

— Боюсь?

— Смертельно. Пусть глядятъ на меня, говорите вы; ну, а вы сами, какъ будете глядѣть на нихъ. Иныя мѣста въ вашемъ изложеніи усилены слогомъ; вы какъ бы любуетесь психологіей вашею и хватаетесь за каждую мелочь, только бы удивить читателя безчувственностью, которой въ васъ нѣтъ. Что же это, какъ не горделивый вызовъ отъ виноватаго къ судьбѣ?

— Гдѣ же вызовъ? Я устранилъ всякія разсужденія отъ моего лица.

Тихонъ смолчалъ. Даже краска покрыла его блѣдныя щеки.

— Оставимъ это, рѣзко прекратилъ Ставрогинъ. Позвольте сдѣлать вамъ вопросъ уже съ моей стороны: вотъ уже пять минутъ, какъ мы говоримъ послѣ этого (онъ кивнулъ на листки), и я не вижу въ васъ никакого выраженія гадливости или стыда... Вы, кажется, не брезгливы...

Онъ не докончилъ⁴⁰).

— Я предъ вами ничего не утаю: меня ужаснула великая праздная сила, ушедшая нарочито въ мерзость. Что до самаго преступленія, то и многіе грѣшатъ тѣмъ же, но живутъ со своей совѣстью въ мирѣ и спокойствіи, даже считая неизбѣжными проступками юности. Есть и старцы, которые тѣмъ же грѣшатъ и даже съ утѣшеніемъ и съ игривостью. Всѣми этими ужасами наполненъ весь міръ. Вы же почувствовали всю глубину, что очень рѣдко случается въ такой степени.

— Ужъ не уважать ли вы меня стали послѣ листовъ? криво усмѣхнулся Ставрогинъ.

— Отвѣчать прямо о семъ не буду. Но болѣе великаго и болѣе страшнаго преступленія, какъ поступокъ вашъ съ отроковицей, разумѣется, нѣтъ и не можетъ быть.

— Оставимъ мѣру на аршины⁴¹). Я, можетъ быть, не такъ страдаю, какъ здѣсь написалъ, и, можетъ

быть, дѣйствительно, много налгалъ на себя, прибавилъ онъ неожиданно.

Тихонъ смолчалъ еще разъ⁴²).

— А эта дѣвица, началъ опять Тихонъ,—съ которою вы прервали въ Швейцаріи, если осмѣлюсь спросить, находится... гдѣ въ сію минуту?

— Здѣсь.

Опять молчаніе.

— Я, можетъ быть, вамъ очень налгалъ на себя, настойчиво повторилъ еще разъ Ставрогинъ. Впрочемъ, что же, что я ихъ вызываю грубостью моей исповѣди, если вы ужъ замѣтили вызовъ. Я заставляю ихъ еще болѣе ненавидѣть меня, вотъ и только. Такъ вѣдь мнѣ же будетъ легче⁴³).

— То-есть злоба въ васъ вызоветъ отвѣтную злобу и, ненавидя, вамъ станетъ легче, чѣмъ если бы принявъ отъ нихъ сожалѣніе.

— Вы правы. Знаете, засмѣялся онъ вдругъ.—Меня, можетъ быть, назовутъ іезуитомъ и богомольною ханжей послѣ документа, ха, ха, ха. Такъ?

— Конечно, будетъ такой отзывъ непременно. А скоро вы надѣетесь исполнить сіе намѣреніе?

— Сегодня, завтра, послѣ завтра, почему я знаю. Только очень скоро. Вы правы: я думаю, именно такъ придется, что оглашу внезапно и именно въ какую-нибудь мстительную, ненавистную минуту, когда всего больше буду ихъ ненавидѣть.

— Отвѣтите на вопросъ, но искренно мнѣ одному, только мнѣ, произнесъ совсѣмъ другимъ голосомъ Тихонъ, — если бы кто простилъ васъ за это (Тихонъ указалъ на листки) и не то, чтобъ изъ тѣхъ, кого вы уважаете или боитесь, а незнакомецъ, человѣкъ, котораго никогда не узнаете, молча про себя, читая вашу страшную исповѣдь, легче ли бы вамъ было отъ этой мысли или все равно?

— Легче,—отвѣтилъ Ставрогинъ вполголоса. Если бы вы меня простили, мнѣ было бы гораздо легче,—прибавилъ онъ, опуская глаза.

— Съ тѣмъ, чтобъ и вы меня такъ же, — проникнутымъ голосомъ промолвилъ Тихонъ⁴⁴).

— Дурное смиреніе. Знаете, эти монашескія формулы даже совсѣмъ неизящны. Я вамъ всю правду

скажу: я желаю, чтобы вы меня простили. Вмѣстѣ съ вами другой, третій, но всѣ—всѣ пусть лучше ненавидятъ. Но для того желаю, чтобы со смиреніемъ перенести...

— А всеобщаго сожалѣнія о васъ вы не могли бы съ тѣмъ же смиреніемъ перенести?

— Можетъ быть, и не могъ бы⁴⁵⁾. Зачѣмъ вы...

— Чувствую степень вашей искренности и, конечно, много виновать, что не умѣю подходить къ людямъ. Я всегда въ этомъ чувствовалъ великій мой недостатокъ, искренне и задушевно промолвилъ Тихонъ, смотря прямо въ глаза Ставрогину. Я потому только, что мнѣ страшно за васъ, прибавилъ онъ—передъ вами почти непроходимая бездна.

— Не выдержу? Не вынесу⁴⁶⁾ ихъ ненависти? встрепенулся Ставрогинъ.

— Не одной лишь ненависти.

— Чего еще?

— Ихъ смѣху, какъ бы черезъ силу и полупрошепотомъ вырвалось у Тихона.

Ставрогинъ смутился; безпокойство выразилось въ его лицѣ.

— Я это предчувствовалъ—сказалъ онъ—стало быть, я показался вамъ очень комическимъ лицомъ по прочтеніи моего „документа“. Не безпокойтесь, не конфузйтесь, я этого ожидалъ.

— Ужасъ будетъ повсемѣстный и, конечно, болѣе фальшивый, чѣмъ искренній. Люди боязливы лишь передъ тѣмъ, что прямо угрожаетъ личнымъ ихъ интересамъ. Я не про чистыя души говорю: тѣ ужаснутся про себя и себя обвинятъ, но онѣ незамѣтны будутъ, и потому, что будутъ молчать. Смѣхъ же будетъ всеобщій⁴⁷⁾.

— Я удивляюсь, какъ дурно вы думаете про людей, какъ гадливо,—съ нѣкоторымъ видомъ озлобленія произнесъ Ставрогинъ.

— А вѣрите, я болѣе по себѣ судилъ, чѣмъ про людей!—воскликнулъ Тихонъ.

— Въ самомъ дѣлѣ? да неужто тоже есть въ душѣ вашей хоть что-нибудь, что васъ здѣсь веселитъ въ моей бѣдѣ?

— Кто знаетъ, можетъ и есть? О можетъ, и есть!

— Довольно. Укажите же, чѣмъ именно я смѣшонъ въ моей рукописи? Я знаю самъ чѣмъ, но я хочу, чтобъ указали вы вашимъ пальцемъ. И скажите поциничнѣе, скажите именно со всею тою искренностью, къ которой вы способны. И еще повторю вамъ, что вы ужасный чудакъ.

— Даже въ формѣ самаго великаго покаянiя сего заключается нѣчто смѣшное. О, не вѣрьте тому, что не побѣдите! — воскликнулъ онъ вдругъ почти въ восторгѣ: — даже сія форма побѣдитъ (указалъ онъ на листки), если только искренне примете заушеніе и заплеваніе. Всегда кончалось тѣмъ, что наипозорнѣйшій крестъ становился великой славой и великой силой, если искренне было смиреніе подвига. Даже можетъ при жизни вашей уже будете утѣшены!..

— И такъ вы въ одной формѣ, можетъ быть, находите смѣшное? — настаивалъ Ставрогинъ.

— И въ сущности. Убѣетъ некрасивость — прошепталъ Тихонъ, опуская глаза.

— Некрасивость! Какая некрасивость?

— Преступленiя. Есть преступленiя поистинѣ некрасивыя. Преступленiя, каковы бы они не были, чѣмъ болѣе крови, чѣмъ болѣе ужаса, тѣмъ они внушительнѣе, такъ сказать, картиннѣе; но есть преступленiя стыдныя, позорныя, мимо всякаго ужаса, такъ сказать, даже слишкомъ ужъ не изящныя..

Тихонъ не договорилъ.

— То-есть, подхватилъ въ волненiи Ставрогинъ — вы находите весьма смѣшною фигуру мою, когда я цѣловалъ руки грязной дѣвчонки..⁴⁸⁾ Я васъ очень понимаю и вы именно потому отчаиваетесь за меня, что некрасиво, гадливо, нѣтъ, не то, что гадливо, а стыдно, смѣшно, и вы думаете, что этого-то я всего скорѣе не перенесу.

Тихонъ молчалъ⁴⁹⁾.

— Понимаю, почему вы спросили про барышню изъ Швейцарiи, здѣсь ли она?

— Не приготовлены, не закалены, — робко прошепталъ Тихонъ, опустивъ глаза — оторваны отъ почвы, не вѣруете.

— Слушайте, отецъ Тихонъ: я хочу простить самъ себѣ, и вотъ моя главная цѣль, вся моя цѣль! —

сказалъ вдругъ Ставрогинъ съ мрачнымъ восторгомъ въ глазахъ. Я знаю, что только тогда исчезнетъ видѣніе. Вотъ почему я и ищу страданья безмѣрнаго, самъ ищу его. Не пугайте же меня, не то погибну во злобѣ.

Эта искренность была столь неожиданна, что Тихонъ всталъ.

— Если вѣруете, что можете простить сами себѣ и сего прощенія себѣ въ семъ мірѣ страданьемъ достигнуть, если такую цѣль себѣ поставяете съ вѣрой, то вы уже во все вѣруете! — восторженно воскликнулъ Тихонъ—какъ же сказали вы, что въ Бога не вѣруете?

Ставрогинъ не отвѣтилъ.

— Вамъ за невѣріе Богъ проститъ, ибо Духа Святого чтите, не зная его.

— Кстати, Христосъ проститъ—скрививъ улыбку и быстро измѣнивъ тонъ, спросилъ Ставрогинъ, и въ тонѣ вопроса послышался легкій оттѣнокъ ироніи.

— Вѣдь сказано въ книгѣ: „если соблазните единого отъ малыхъ сихъ“, помните. По Евангелію больше преступленія нѣтъ...

— Просто запросто вамъ очень не хочется скандала, и вы ставите мнѣ ловушку, добрый отче Тихонъ, небрежно и съ досадой промямлилъ Ставрогинъ, порываясь встать, короче, вамъ хочется, чтобъ я остепенился, пожалуй, женился и кончилъ жизнь членомъ здѣшняго клуба, посѣщая каждый праздникъ вашъ монастырь. Ну, эпитемія! Не правда ли! А впрочемъ, вы какъ сердцевѣдъ, можетъ, и предчувствуете, что это, несомнѣнно, такъ и будетъ, и все дѣло за тѣмъ, чтобы меня теперь хорошенько поуросить для приличія, такъ какъ я самъ только того и жажду, не правда ли!

Онъ изломанно усмѣхнулся.

— Нѣтъ, не та эпитемія, я другую готовлю! — съ жаромъ продолжалъ Тихонъ, не обращая ни малѣйшаго вниманія на смѣхъ и замѣчаніе Ставрогина.

— Я знаю одного старца не здѣсь, но недалеко отсюда, отшельника и схимника, и такой христіанской премудрости, что намъ съ вами и не понять того. Онъ послушаетъ моихъ просьбъ. Я скажу ему

о васъ все. Подите къ нему въ послушаніе, подъ начало его лѣтъ на пять, на семь, сколько сами найдете потребнымъ въ послѣдствіи. Дайте себѣ обѣтъ и сею великою жертвой купите все, что жаждете и даже чего не ожидаете, ибо и понять теперь не можете, что получите.

Ставрогинъ выслушалъ серьезно.

— Вы предлагаете мнѣ вступить въ монахи въ тотъ монастырь⁵⁰).

— Вамъ не надо быть въ монастырѣ, не надо постригаться, будьте только послушникомъ, тайнымъ, не явнымъ, можно такъ, что и совсѣмъ въ свѣтѣ живя...

— Оставьте, отецъ Тихонъ, брезгливо прервалъ Ставрогинъ и поднялся со стула. Тихонъ тоже.

— Чго съ вами? вскричалъ онъ вдругъ, почти въ испугѣ всматриваясь въ Тихона. Тотъ стоялъ передъ нимъ, сложивъ передъ собою впередъ ладонями руки, и болѣзненная судорога, казалось, какъ бы отъ величайшаго испуга прошла мгновенно по лицу его.

— Что съ вами? Что съ вами? повторялъ Ставрогинъ, бросаясь къ нему, чтобъ его поддержать. Ему показалось, что тотъ упадетъ.

— Я вижу... я вижу, какъ наяву,—воскликнулъ Тихонъ проницающимъ въ душу голосомъ и съ выраженіемъ сильнѣйшей горести—что никогда вы, бѣдный, погибшій юноша, не стояли такъ близко къ новому и еще сильнѣйшему преступленію, какъ въ сію минуту.

— Успокойтесь!—упрашивалъ рѣшительно встревоженный за него Ставрогинъ. — Я, можетъ быть, еще отложу... Вы правы...

— Нѣтъ, не послѣ обнародованія, а еще до того, за день, за часъ, можетъ быть, до великаго шага, броситесь въ новое преступленіе, какъ въ исходъ, и совершите его единственно, чтобы только избѣжать сего обнародованія листовъ.

Ставрогинъ даже задрожалъ отъ гнѣва и почти отъ испуга⁵¹).

— Проклятый психологъ!—оборвалъ онъ вдругъ въ бѣшенствѣ и, не оглядываясь, вышелъ изъ кельи.

СВИДАНІЕ СТАВРОГИНА СЪ ТИХОНОМЪ по записнымъ тетрадямъ Достоевскаго.

Архіерей Тихонъ, которому Ставрогинъ вручаетъ свою „Исповѣдь“ былъ, задуманъ Достоевскимъ, какъ одно изъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ въ томъ большомъ—еще безъ заглавія—романѣ изъ пяти повѣстей, планъ котораго онъ сообщалъ въ 1870 г. Ап. Н. Майкову. Дѣйствіе второй изъ этихъ повѣстей, на которую Достоевскій возлагалъ „всю свою надежду“, должно было происходить въ монастырѣ, куда отданъ родителями мальчикъ, совершившій уголовное преступленіе, „развитой и развращенный“ (типъ, Достоевскому очень хорошо знакомый, какъ онъ добавлялъ), „волчонокъ и нигилистъ“, который испытываетъ затѣмъ на себѣ благодѣтельное вліяніе архіерея Тихона. »Хочу выставить во второй повѣсти главной фігурой Тихона Задонскаго,—писалъ Достоевскій,—конечно, подъ другимъ именемъ, но тоже архіерей будетъ проживать въ монастырѣ, на покоѣ. Авось, выведу величавую, положительную, святую фігуру. Это уже не Констанжогло-съ и не нѣмецъ (забылъ фамилію) въ Обломовѣ, и не Лопуховы, не Рахметовы. Правда, я ничего не создамъ, а только выставлю дѣйствительнаго Тихона, котораго я принялъ въ свое сердце давно съ восторгомъ“.

Когда потомъ въ умѣ Достоевскаго обрисовался планъ „Житія“ великаго грѣшника“ то герой „Житія“, „то вѣрующій, то атеистъ“ именно въ монастырѣ подъ вліяніемъ „святой“ и „величавой“ фігуры Тихона долженъ былъ духовно переродиться и выйти въ свѣтъ „величайшимъ изъ людей“.

Когда, наконецъ, Достоевскій окончательно остановился на замыслѣ романа „Бѣсы“, то и въ немъ предполагалось отвести видное мѣсто Тихону, которому Ставрогинъ (князь) долженъ былъ передать свою „Исповѣдь“, значительно добавляющую и видоизменяющую рассказъ Петра Степановича Верховенскаго о петербургскомъ періодѣ жизни Николая Всеволодовича („Бѣсы“, ч. I, гл. V).

Въ опубликованныхъ уже Л. П. Гроссманомъ въ его книгѣ о Достоевскомъ замѣткахъ (извлеченныхъ изъ хранящихся въ

Историческомъ Музеѣ записныхъ тетрадей писателя), имѣются указанія и на свиданіе Ставрогина (князя) съ Тихономъ, и на темы ихъ разговора и, наконецъ, на то преступленіе, въ которомъ Ставрогинъ кается въ своей „Исповѣди“.

Такъ, въ „Запискѣ“ Ставрогина предполагалось дать мѣсто слѣдующимъ его словамъ:

„И все это я сдѣлалъ, какъ баринъ, какъ праздный, оторванный отъ почвы человѣкъ. Хотя и соглашаюсь, что главное было въ моей дурной волѣ, а не отъ одной среды; конечно, никто не дѣлаетъ такихъ преступленій. Но всѣ они, оторванные отъ почвы, дѣлаютъ то же, хотя и поменьше и пожиже. Многіе и не замѣчаютъ своихъ низостей и считаютъ себя честными“.

Тихонъ, фигурирующій въ этой замѣткѣ подъ именемъ „архіерея“, совѣтуетъ это мѣсто „исключить“, на что Ставрогинъ недовольнымъ тономъ заявляетъ: „я не литераторъ“.

Этого мѣста въ „Исповѣди“ Ставрогина и нѣтъ. Мысль, что многіе также грѣшатъ, однако же живутъ »съ своей совѣстью въ мирѣ и спокойствіи«, высказываетъ здѣсь не Ставрогинъ, а Тихонъ, равно какъ Тихонъ, а не Ставрогинъ выражаетъ мысль, что нравственное паденіе послѣдняго есть результатъ оторванности отъ почвы (слова, вставленные Достоевскимъ въ текстъ гранки во время корректуры).

Есть въ этихъ уже опубликованныхъ замѣткахъ указаніе и на мотивъ, почему Ставрогинъ рѣшилъ свою записку предать гласности.

„Тихонъ говоритъ: на землѣ должно быть счастливымъ.

(Князь) Я праздный умъ и мнѣ скучно. Я знаю, что на землѣ можно быть счастливымъ (и должно) и что есть что-то, въ чемъ счастье, чего я не знаю, что это за вещь. — Нѣтъ, я не изъ разочарованныхъ. Я думаю, что я изъ развратныхъ и праздныхъ.

Князь ему: я хочу испытать мою силу и расскажу про дѣвочку“. Какъ видно изъ „Исповѣди“ Ставрогина, послѣдній въ самомъ дѣлѣ совершилъ свое преступленіе отъ „скуки“. Не довольствуясь признаніемъ на этотъ счетъ въ текстѣ Ставрогина, Достоевскій на поляхъ еще старался усилить этотъ мотивъ, прибавивъ слѣдующія слова:

„Говорю прямо, я даже не прочь былъ иногда отъ мысли, чтобъ меня сослали въ Сибирь. Главное дѣло—скучно: Я до того скучалъ, что думаю, могъ бы повѣситься. Я помню, что я очень занимался тогда богословіемъ. Это, правда, нѣсколько развлекло меня, но потомъ стало еще скучнѣе“.

Наконецъ, въ одной изъ опубликованныхъ Гроссманомъ замѣтокъ указана и причина, почему Ставрогинъ отказывается въ рѣшительную минуту опубликовать свою записку.

„Архіерей говоритъ, что катехизисъ вѣры—хорошо, но вѣра безъ дѣлъ мертва есть и требуетъ не высшаго подвига, а еще труднѣйшаго, труда нравственнаго, т.-е. ну-ка, баринъ, способенъ ли на это ты? и князь сознается, что онъ баринъ, увѣряетъ, что солгалъ и отрекается отъ словъ своихъ, въ результатѣ—Ури¹⁾“.

¹⁾ Т.-е. мысль поѣхать въ Швейцарію (съ Дашей).

Изъ напечатанной выше девятой главы видно, что никакого разговора о „трудѣ нравственномъ“ между Тихономъ и Ставрогинымъ не происходитъ, да и мотивъ, почему Ставрогинъ уходитъ отъ Тихона и записки своей не публикуетъ—иной.

Къ этимъ уже извѣстнымъ въ печати замѣткамъ Достоевскаго можемъ теперь присоединить еще рядъ другихъ, извлеченныхъ изъ записной тетради, имѣющейся въ распоряженіи Центральнаго архива (№ 15 въ спискѣ А. Г. Достоевской).

Здѣсь на стр. 30 сказано:

„Лиза²⁾ на Нечаева³⁾ обращаетъ вниманіе
Онъ убиваетъ Шатова.

Лиза убѣждена, что онъ убилъ

Бѣжитъ къ нему

(Межъ тѣмъ князь⁴⁾ и Тихонъ, и прежде князь и Шатовъ. Все по прежнему).

Лиза бѣжитъ съ Нечаевымъ. Ст... Т... т⁵⁾ съ книгоношей умираетъ. Князь повѣсился. Все по прежнему“.

Это, какъ видно, совершенно особая редакція конца романа въ части, касающейся Лизы.

Другое указаніе на свиданіе Тихона и Ставрогина имѣется на стр. 37:

„Итог. Ставрогинъ, какъ характеръ

Всѣ благородные порывы до чудовищной крайности (Тихонъ) и всѣ страсти (*при скукѣ непремѣнной*).

Бросается и на воспитанницу⁶⁾ и на красавицу⁷⁾

Красавицу въ дѣйствительности не любилъ и презиралъ, но вспыхнулъ страстью вдругъ (обманчивой и минутной, но безконечной) и, совершивъ преступленіе, потомъ разочаровался. Онъ улизнулъ отъ наказанія, но самъ повѣсился“.

Есть указаніе и на одну подробность предполагавшагося разговора между Тихономъ и Ставрогинымъ. На стр. 38 сказано:

«Признается Тихону, что ему весело глумиться надъ красавицей».

На самомъ дѣлѣ, Ставрогинъ надъ Елизаветой Николаевной не глумится и о ней вообще лишь вскользь упоминается и въ „Исповѣди“ и въ разговорѣ съ Тихономъ.

Есть указаніе и на преступленіе, совершенное Ставрогинымъ (на стр. 37):

«Тайну брака⁸⁾ никто не знаетъ, кромѣ воспитанницы и красавицы».

„Про дѣвочку только одинъ Тихонъ знаетъ“.

Наконецъ, имѣется указаніе и на то мѣсто въ романѣ, къ которому должно было быть приурочено свиданіе Ставрогина съ Тихономъ (на стр. 36):

²⁾ Елизавета Николаевна Дроздова.

³⁾ Нечаевъ потомъ превратился въ Петра Верховенскаго.

⁴⁾ Ставрогинъ.

⁵⁾ Степанъ Трофимовичъ—отецъ Верховенскаго.

⁶⁾ Дарья Павловна, Даша.

⁷⁾ Елизавета Николаевна.

⁸⁾ Брака Ставрогина съ хромоножкой.

„Воспитанницѣ Ставрогинѣ совѣтуетъ бросить С. Т. и бѣжать съ нимъ въ Швейцарію, въ Ури. Это еще прежде¹⁾. Тутъ выходитъ недоумѣніе съ Ст. Т—мъ, который пикируется, что ему (будто бы) рога..и воспитанница переходитъ къ брату, Шатову. Въ это-то время (красавица выказала ревность) предупреждаетъ, что Ставрогинѣ женатъ на хромоножкѣ. Та въ отчаяніи, что всѣ надежды ея пропали (ибо подозрѣваетъ, что князь влюбленъ въ нее, а сама также влюблена въ него до помѣшательства), смѣется надъ воспитанницей, бѣжитъ и отдается князю. Сейчасъ же вслѣдъ за этимъ убійство хромоножки.

(Ходилъ къ Тихону¹⁾“.

Таковы тѣ намеки—замѣтки, изъ которыхъ потомъ выросли вышенапечатанныя главы „У Тихона“, неизвѣстно почему не включенныя Достоевскимъ въ романъ „Бѣсы“. Некоторые подробности «Исповѣди» Ставрогина были потомъ Достоевскимъ использованы для фигуры Версилова въ „Подросткѣ“.

В. Фриче.

¹⁾ Здѣсь выноска у Достоевского: „въ этотъ первый разъ предложилъ бѣжать въ Швейцарію, но умалчиваетъ о гражданствѣ въ кантонѣ Ури“.

²⁾ Внизу прибавлено: „князь хоронитъ хромоножку, а Кулешовъ (Федька разбойникъ) сознаетъ, что онъ одинъ... А красавица поторопилась съ ума сойти.“

ПРИМѢЧАНІЯ

- 1) Часть II-я, Глава I-я. Первоначально: „Глава девятая“.
- 2) Послѣ: „сумасшедшій“ зачеркнуто: „и по крайней мѣрѣ, совершенно бездарное существо“.
- 3) Вычеркнуто: „и вздоръ“.
- 4) Послѣ: „и о дуэли“ первоначально: „Вы много очень здѣсь слышали“ (зачеркнуто).
- 5) Вмѣсто: „лѣчились потомъ“ первоначально: „были излѣчены“.
- 6) Послѣ: „улыбнулся“ зачеркнуто: „И знаете, вамъ вовсе не идетъ опускать глаза: неестественно, смѣшно и манерно“.
- 7) Послѣ: „все“ зачеркнуто: „Вы должны быть ужасно рады“.
- 8) Послѣ: „можетъ быть“ зачеркнуто: „Это не дурно. Почему же вы сомнѣваетесь?“ — „Не совершенно вѣрую“.
- 9) Послѣ: „голову“ зачеркнуто: „уголки губъ его вдругъ задергались нервно и быстро“.
- 10) Послѣ: „безвѣріе“ зачеркнуто: „О, попь!“
- 11) Послѣ: „помню“ — „Прелестныя слова“ — зачеркнуто. Далѣе: „Прелестныя, странныя слова для архіерея, и вообще вы чудакъ“ зачеркнуто.
- 12) Послѣ: „оборваль Ставрогинъ“ зачеркнуто: „это для середины, это для равнодушныхъ, такъ ли?“
- 13) Послѣ: „угадалъ“ зачеркнуто: „по лицу“.
- 14) Послѣ: „буквально“ зачеркнуто: „надо полагать, что онъ уже многимъ теперь извѣстенъ“.
- 15) Послѣ словъ: „прежде всего не литераторъ“ въ гранкѣ рукою Достоевскаго написано: „одного замѣчанья, только одного“. Въ текстѣ начала I гл., приложенномъ къ VIII т. юбилейного изданія имѣется пассажъ, отсутствующій въ московскихъ гранкахъ и нами отпечатанный въ скобкахъ []. Словами: „вотъ что прочелъ Тихонъ“ обрывается первая глава въ приложеніи къ VIII. тому изд. 1906 т. г.
- 16) Послѣ: „у меня встрѣтились“ зачеркнуто: „при моихъ пріятеляхъ и при мужѣ“.
- 17) Послѣ: „съ ихъ дочерью“ зачеркнуто: „думаю, лѣтъ четырнадцати“.
- 18) Послѣ: „не помню“ зачеркнуто: „чьихъ они, откуда и куда теперь дѣлись, совсѣмъ не знаю“.
- 19) Послѣ: „дѣвочку“ зачеркнуто: „(я жилъ просто, и они со мной не церемонились)“.

²⁰⁾ Послѣ: „всегда вызывалъ“ зачеркнуто: „Предаваясь до 16 лѣтъ съ необыкновенной неумѣренностью пороку, въ которомъ исповѣдывался Ж. Ж. Руссо, я прекратилъ въ ту минуту, когда положилъ, на 17 году“.

²¹⁾ Послѣ: „мнѣ“ зачеркнуто: „она не кричала, а только всхлипывала подъ ударами, конечно, потому, что тутъ стоялъ я и все видѣлъ“.

²²⁾ Послѣ: „себя“ зачеркнуто: „до сихъ поръ она можетъ быть только боялась меня, но не лично, а какъ постояльца, человѣка чужого, и, кажется, была очень робка“.

²³⁾ Послѣ: „начинало биться сердце“ зачеркнуто: „но тутъ я вдругъ спросилъ себя: могу ли остановиться, и тотчасъ отвѣтилъ, что могу“.

²⁴⁾ Первоначально: „цѣловалъ ей лицо и ноги: когда я цѣловалъ ноги“.

²⁵⁾ Первоначально: „Я чуть не всталъ и не ушелъ—такъ это было мнѣ непріятно въ такомъ крошечномъ ребенкѣ отъ жалости. Но я преодолѣлъ внезапное чувство моего страха и остался“.

²⁶⁾ Въ Петербургской рукописи отсутствуетъ отмѣченный нами * * пассажъ, но зато вставленъ слѣдующій разговоръ Тихона со Ставрогинымъ: „Тутъ листокъ оканчивался, и фраза вдругъ прерывалась. При этомъ произошло обстоятельство, о которомъ нельзя не упомянуть.

Листковъ, всего было пять: одинъ въ рукахъ у Тихона, только что имъ дочитанный и прерывавшійся на полуфразѣ, а четыре оставались въ рукахъ у Ставрогина. На вопросительный взглядъ Тихона, тотъ, уже ожидавшій, мигомъ подалъ ему, продолженіе.

— Но и тутъ пропускъ? — спросилъ Тихонъ, всматриваясь.

— Ба! Да это же третій листокъ, нуженъ второй.

— Да, третій, но тотъ листокъ... Тотъ второй листокъ пока подъ цензурой, быстро отвѣчалъ Ставрогинъ неловко усмѣхаясь. Онъ сидѣлъ въ углу дивана и все время неподвижно и лихорадочно слѣдилъ за читавшимъ Тихономъ.

— Вы получите потомъ, когда... удостоитесь, — прибавилъ онъ съ неудавшимся фамиллярнымъ жестомъ. Онъ смѣялся, но на него жалко было смотрѣть.

— Вѣдь уже теперь, что второй номеръ, что третій — все одно, — замѣтилъ было Тихонъ.

— Какъ все одно? Почему? — азартно и неожиданно рванулся впередъ Ставрогинъ. — Совсѣмъ не одно. А! Вамъ бы сейчасъ по монашески, то есть, самую что ни на есть мерзость прежде всего заподозрить. Монахъ былъ бы самымъ лучшимъ уголовнымъ слѣдователемъ!

Тихонъ взглядывался молча.

— Успокойтесь... я не виноватъ, что дѣвочка глупа и не такъ поняла... Ничего не было. Ни-че-го.

— Ну, и слава Богу, — перекрестился Тихонъ.

— Это все долго объяснять... тутъ... тутъ просто психологическое недоразумѣніе.

Онъ вдругъ покраснѣлъ. Чувство отвращенія, тоски, отчаянія выдавалось въ лицѣ его. Онъ замолчалъ, точно оборвалъ. Долго оба не говорили и не глядѣли другъ на друга, больше минуты.

— Знаете что, лучше читайте, — сказалъ онъ, машинально отирая пальцами холодный потъ со лба. — И.. лучше всего не глядите на меня совсѣмъ... Мнѣ кажется, что теперь онъ... И... не выводите меня изъ послѣдняго терпѣнія, — прибавилъ онъ шепотомъ.

Тихонъ быстро отвелъ глаза, схватился за третій листокъ и, уже не отрываясь, продолжалъ чтеніе до конца. Въ поданныхъ Ставрогинымъ трехъ листкахъ болѣе перерывовъ не оказалось. Но третій листъ начинался тоже съ полуфразы.

²⁷⁾ Въ оригиналѣ: „..и уѣхать въ Петербургъ.“

²⁸⁾ Послѣ: „вынести“ зачеркнуто: „я всталъ и подвинулся къ ней“.

²⁹⁾ Отмѣченный скобками [] пассажъ взятъ изъ петербургской рукописи.

³⁰⁾ Зачеркнуто: „про результатъ медицинскаго свидѣтельства я ничего не слыхалъ“.

³¹⁾ Послѣ слова „ничего“ зачеркнуто: „но не берусь рѣшить, входила ли въ мое рѣшеніе хоть безсознательно (разумѣется, безсознательно) злоба за низкую трусость, овладѣвшую мною послѣ дѣла съ Матрешей. Право, не думаю“.

³²⁾ Послѣ словъ „для развлеченія“ зачеркнуто: „и потому, что было невыносимо“.

³³⁾ Послѣ: „безпомощнаго“ зачеркнуто: „десятилѣтняго“.

³⁴⁾ Послѣ: „до сихъ поръ“ зачеркнуто: „Мнѣ, можетъ быть, не омерзительно даже доселѣ воспоминаніе о самомъ поступкѣ. Можетъ быть, это воспоминаніе включаетъ въ себѣ даже и теперь нѣчто для страстей моихъ пріятное“.

³⁵⁾ Послѣ: „хотя бы въ галюсинаціи“ зачеркнуто: „у меня есть другія старыя воспоминанія, можетъ быть, получше этого. Съ одной женщиной я поступилъ хуже, и она отъ этого умерла. Я лишилъ жизни на дуэли двухъ невинныхъ предо мной. Я однажды былъ оскорбленъ смертельно и не отомстилъ противнику. На мнѣ есть одно отравленіе намѣренное и удавшееся и никому неслыханное. Если надо, я обо всемъ сообщу“.

³⁶⁾ Первоначально: „Въ Швейцаріи я смогъ два мѣсяца спустя влюбиться въ одну дѣвицу [или, лучше сказать, я ощутилъ“ и. т. д.

³⁷⁾ „Глава девятая“, такъ обозначено въ оригиналѣ.

³⁸⁾ Слова: „Странно, что оттѣнокъ будто нетерпѣнія, разсѣянности и какъ бы бреда, бывшій въ лицѣ его все это утро, почти исчезъ, смѣнившись спокойствіемъ и какъ бы какой-то искренностью, что придавало ему видъ почти достоинства“ — зачеркнуты.

³⁹⁾ Послѣ: „упрашивать“ зачеркнуто: „прибавилъ онъ какъ бы не выдержавъ и вдругъ впадая опять на мгновеніе въ давешній тонъ, но тотчасъ же грустно улыбнулся своимъ словамъ“.

40) Послѣ: „онъ не докончилъ“ зачеркнуто: „то-есть вамъ хотѣлось бы, чтобъ я высказалъ вамъ поскорѣе мое презрѣніе, твердо договорилъ Тихонъ“.

41) Зачеркнуто: „Меня нѣсколько дивитъ вашъ отзывъ о другихъ людяхъ и объ обыкновенности подобнаго преступленія“.

42) Послѣ словъ: „Тихонъ смолчалъ еще разъ“ зачеркнуто: „Ставрогинъ и не думалъ уходить, напротивъ, опять сталъ впадать мгновеніями въ сильную задумчивость“.

43) Фраза: „Впрочемъ, что же, что я ихъ вызываю грубостью моей исповѣди, если вы ужъ замѣтили вызовъ. Я заставлю ихъ еще болѣе ненавидѣть меня, вотъ и только. Такъ вѣдь мнѣ же будетъ легче“—зачеркнута.

44) Послѣ словъ: „промолвилъ Тихонъ“ зачеркнуто: „За что? Что вы мнѣ сдѣлали? Ахъ, да, это монастырская формула! (Тихонъ). „За вольная и невольная. Согрѣшивъ, каждый чело-вѣкъ уже противъ всѣхъ согрѣшилъ, и каждый чело-вѣкъ хоть чѣмъ-нибудь въ чужомъ грѣхѣ виноватъ. Грѣха единичнаго нѣтъ. Я же грѣшникъ великій и, можетъ быть, болѣе вашего“.

45) Послѣ: „не могъ бы“ зачеркнуто: „Вы очень тонко подхватываете. Но“...

46) Послѣ: „не вынесу“ зачеркнуто: „со смиреніемъ“.

47) Послѣ: „Смѣхъ же будетъ всеобщій“ зачеркнуто: „и прибавьте замѣчаніе мыслителя, что въ чужой бѣдѣ всегда есть нѣчто намъ пріятное“ — „Справедливая мысль“. — „Однако же вы...вы-то сами“...

48) Послѣ: „грязной дѣвчонки“ зачеркнуто: „и все, что я говорилъ о моемъ темпераментѣ и ну и все прочее... не понимаю“...

49) Между концомъ 14 гранки, которая здѣсь кончается, и началомъ слѣдующей 15 нѣтъ согласованности.

50) Послѣ слова: „монастырь“ зачеркнуто: „Какъ ни уважаю я васъ, а я совершенно того долженъ былъ ожидать. Ну, такъ я вамъ даже признаюсь, что въ минуты малодушія во мнѣ уже мелькала мысль, разъ заявивъ эти листки всенародно, спрятаться отъ людей въ монастырь, хоть на время. Но я тутъ же краснѣлъ за эту низость. Но чтобы постричься въ монахи, это мнѣ даже въ минуту самаго малодушнаго страха не приходило въ голову“.

51) Слова „Ставрогинъ даже задрожалъ отъ гнѣва и почти отъ испуга“ зачеркнуты и заменены нѣсколькими другими редакціями, изъ которыхъ, повидимому, ни одна не удовлетворила Достоевскаго.